

НОВЫШНЯ

ПОВЪСТИ И РАЗСКАЗЫ.

НОВѢЙШІЯ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕВГЕНІЯ-СЮ, БАЛЬЗАКА И ОЖЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чшобы по оппечатаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.**

Москва. Ноября 5 дни, 1833 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

ГОСПОЖЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРШЪ

АННЪ АЛЕКСѢЕВНЪ

ЗУБОВОЙ.

въ знакъ истиннаго почтенія и родственной
преданности посвящаетъ

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ПОСЛѢДНІЙ БРАККІАНО.

ХРОНИКА РИМСКАЯ.

La Venere de Bracciano (Браккіанская Венера) была самая славнѣйшая статуя въ прошедшемъ столѣтіи. Иностранцы никогда не оставляли Рима, не принеши ей дани своего удивленія; даже рассказываютъ, что одинъ Англичанинъ, влюбившись мгно-

венно при первомъ взорѣ въ сію бездушную вещь, нашелъ средство обмануть бдительность стражей и провелъ цѣлую ночь въ галлерей, въ коей находится сія статуя.

Сіе произшествіе, которое надѣлало много шуму, принудило стараго Герцога Браккіано воспрепятствовать доступу во дворецъ свой, существующій на Венеціанской площади. Онъ поспавлялъ себѣ за особенное удовольствіе показывать лично всѣ сокровища, въ ономъ заключающіяся, только пѣмъ особамъ, которыя ему были рекомендованы; но въ его отсутствіе никто не смѣлъ проникать въ сіе святилище изящныхъ искусствъ. Отъ сего *Чицхерони* и наемные слуги не упускали случая разглашать, въ опущеніе за порядокъ, споль пропивный ихъ выгодамъ, что ревность была

главнѣйшею пружиною запрещенія, сдѣланнаго Герцогомъ. Они увѣряли, что старикъ, подражая Англійскому путешественнику, былъ въ своемъ заблужденіи дѣйствительно *inamorato del marmo Samoso* *.

Сія статуя была найдена въ окрестностяхъ *Браккіано* подъ развалинами *виллы*, копорую Анпикваріи, колебаясь ни минушы, именовали: *Венериньмъ храмомъ*, потому что, въ самомъ дѣлѣ, сія мраморная статуя, удивительной работы бывшая, должнаствовала изображать богиню восторговъ и нѣжностей; но выраженіе лица ея, имѣвшее сходство съ суровою миною, замѣтною въ *Аполлонѣ Белведерскомъ* и *Юпитерѣ Капитолійскомъ*, оправдывало названіе *мстительницы*, ей данное.

* Влюбленъ въ знаменитый мраморъ.

Но не одні прелестныя и величественныя формы только придавали величайшую цѣну сему совершеннѣйшему творенію лучшихъ временъ Скульптуры Греческой, но особенность, въ ней замѣченная и стѣмъ болѣе достойная особливаго вниманія, что другаго примѣра найти было не возможно: это различіе впечатлѣній, производимыхъ сею статуею, по мѣрѣ того, какъ рассматривали оную съ той или съ другой стороны. Прямо — впечатлѣніе достоинства, изображеннаго въ чертахъ ея, вынуждало невольное почтеніе: ея возвышенное чело, ея угрожающій взоръ, ея полуоткрытыя уста, казалось, повелѣвали; въ *профиль* же — нѣжная улыбка, обворожительная привлекаемость напоминали что-то прошлое. Тогда во всѣхъ чертахъ богини любви не видно было никакой

противоположности съ роскошными округлостями, ее украшающими, и прелестнымъ движеніемъ ея рукъ.... Сія руки, хотя были придѣланы во времена новѣйшія, но художникъ такъ умѣлъ постигнуть мысль Греческаго Скульптора, что даже самые жесты, согласно съ выраженіемъ лица, повелительные съ одной стороны, казались съ другой ожидающими минуты нѣжнѣйшихъ изліяній восторговъ.

Многіе Сонеты были сочинены въ честь *Венеры Браккіанской*. Славнѣйшій оканчивался сими словами: »Подобно какъ Венера раздраженная, наказывая безразсудство Психеи, не могла скрывать на лицѣ своемъ совершенно того живаго участія, которое производилъ надъ нею видъ прелестней любовницы ея сына.«

Герцогъ Браккіано, умирая, подо-

звалъ къ себѣ своего сына, бывшаго въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, и сказалъ ему тихимъ голосомъ:

» Я оставляю тебѣ, Карлосъ, величайшія богатства, но ни чему не будешь такъ завидовать изъ владѣемаго тобою, какъ знаменистой мраморной статуѣ, носящей названіе фамиліи, которой ты есть единственныи остатокъ. Обѣщай мнѣ никогда не соглашаться уступить въ другія руки сей мраморъ, съ коимъ соединена участь фамиліи Браккіанской. Мать моя, на одрѣ смерти, рассказывала мнѣ, что одна *Цыганка*, славная въ искусствѣ предсказывать, написала однимъ днемъ на пьедесталѣ статуи Символическія слова, которыя ученые перевели слѣдующими:

» Последнимъ будетъ съ своемъ родѣ
 » поэтъ, кто первый мнѣ измѣнитъ.«

Черезъ годъ, когда молодой Герцогъ возвратился въ свой дворецъ, на Венеціанской площади онъ вспомнилъ, находясь передъ статуею, слова умирающаго отца. Въ первый разъ сердечное чувство присоединилось къ наблюдательному взору, устремленному имъ на кусокъ мрамора. Онъ былъ удивленъ видѣть въ немъ человѣческой образъ, и его сердце билось отъ удовольствія при семъ разсмаприваніи.

На другой день Карлосъ возвратился къ статуѣ, можетъ быть и не хотѣвши быть тамъ. Одинъ изъ пѣхъ слугъ ласкапелей и грубіановъ, въ которыхъ желаніе угождать изображается чрезъ низость и пораждаеть испорченность, засталъ его въ неопредѣленномъ разсмаприваніи того мрамора, облеченнаго въ божественныя формы, разсказалъ ему исторію *Брак-*

кианской Венеры со всѣми проспонародными подробностями. Карло съ препалъ; его взоръ осмѣлился обратиться на статуу: сей взоръ, живой, неперпѣливый, любопытный, выражалъ мгновенно полученное впечатлѣніе; кровь волновалась въ его жилахъ; онъ простеръ руки, но суровое выраженіе, напечатлѣнное въ черпахъ мрамора, возвратило скоро спокойствіе его чувствамъ.

Семнадцати лѣтъ, подъ бронзовымъ небомъ, наследникъ Браккіановъ искалъ уединенія. Ничто въ обществѣ не соопвѣтствовало химерамъ его мечтательнаго воображенія, ничто не согласовалось съ его ожиданіями; разговоръ казался ему незанимательнымъ, умъ ничтожнымъ, учтивость снѣснительною, эпикетъ хладнымъ, щеголеватость отврапительною. Никакое

симпатическое влеченіе не возбуждало его дѣвственной мысли къ пагубнымъ спрасямъ или къ ничтожнымъ желаніямъ. Ни большой свѣтъ, ни изящныя искусства не имѣли въ себѣ никакого сокровища, могущаго его прельстить. Онъ однако выходилъ изъ дому часто для пріобрѣтенія новыхъ впечатлѣній; но его сердце начинало биться сильнѣе только на порогѣ его дома; билось еще сильнѣе, когда одинъ находился онъ посреди опличнѣйшихъ произведеній изящныхъ искусствъ, собранныхъ его опцемъ съ такимъ же вкусомъ, какъ и великолѣпемъ. Застѣнчивый въ присутствіи постороннихъ, онъ предавался всей своей природной пылкости, какъ скоро не чувствовалъ стыга быть подверженъ испытательному чуждому взору. Въ свѣтъ онъ принималъ обыкновенную общую

всѣмъ наружность, прѣбуемую приличіями. Въ его же великолѣпномъ уединеніи что-то вдохновенное оживляло всѣ его движенія; его чувствительная душа возвышалась созерцаніемъ изящнаго, и сіе положеніе, незанимательное для насъ, казалось ему украшеннымъ всѣми земными совершенствами.

Когда въ обществѣ ничто не удовлетворяетъ нашему ожиданію, воображеніе населяетъ оное совершеннѣйшими существами.

Со всѣмъ тѣмъ, Карлосъ чувствовалъ скуку одиночества. У людей, одаренныхъ пылкимъ мечтательнымъ воображеніемъ, мечты онаго продолжительны; но въ молодости, воображаемый идеаль есть только выраженіе неперпѣливаго жела-

нія, которое вскорѣ долженъ спвуешъ повелѣвать.

Въ галлерей дворца Браккіановъ находились двѣ карпины, привлекавшія взоры всѣхъ знапоковъ; одна изображала Св. Дѣву, *Андрея дель Сарто*, другая Св. Магдалину, *Гвидо Рени*. Находясь предъ сими совершеннѣйшими произведеніями живописи, молодой Герцогъ говаривалъ часто любопытнымъ посѣпителямъ:

» Взгляните на сіи совершеннѣйшія произведенія, каковыя могла сотворить рука живописца. Замѣчаете ли вы въ сихъ черпахъ изображеніе Хриспіанскихъ добродѣтелей, снисходительности, доброшы, раскаянія и надежды? Чувствуешь возрождающимся въ сердць, предъ изображеніемъ Богоматери, предъ изображеніемъ грѣшницы, дер-

зающей возвести къ богу взоръ любви небесной; всѣ мечты, въ юныхъ лѣтахъ насъ занимавшія, совершенство священныхъ повѣствованій — возобновляются въ памяти; сколько приятно хоть разъ еще жить съ спокойствіемъ дѣтской невинности! «

И тогда онъ вздыхалъ.

Но въ галлерей спатуй Карлосъ хранилъ мертвое молчаніе; его взоръ былъ безпокоенъ, онъ тяжело дышалъ, и равнодушіе или удивленіе посѣпшелей, его одинаково дѣлало недовольнымъ; сіи чувства страха и себялюбія до такой степени имъ овладѣли, что онъ заперъ сіе святилище искусствъ и потомъ отказывался даже принимать чужестранцовъ съ тѣмъ благорасположеніемъ, сколько замѣтнымъ особенно въ Испаніянскихъ вельможахъ.

Однимъ днемъ Кардиналь Браккіано, дядя Карлоса, предложилъ ему промѣнять *Венеру* на группу Микель-Анжело, спящей величайшей цѣны; онъ поблѣднѣлъ, смѣшался и наконецъ опвѣчалъ краснѣя:

— Ваше Преосвященство, безъ сомнѣнія ошибаетесь; вамъ вѣрно угодно имѣть *Берниніева Іисуса Христа*.

— Нѣтъ, Карлосъ, я не шутя говорю о твоей Венерѣ *мстительницѣ*. Это такое произведеніе, котораго достоинство, кажется, тебѣ не совсѣмъ извѣстно.

— Ваше Преосвященство не должны забыть, что на счетъ оной сказано:

»Последнимъ будетъ въ своемъ родѣ.

»иощь, кже первый мнѣ измѣнишь.«

— Вздоры моей всепочтеннѣйшей маменьки, Карлосъ! Не вѣрь этому, племянничекъ; да къ тому же не единственный ли ты мой наследникъ? Ну, соглашайся на промѣнъ и я присоединю къ группѣ Микель - Анжело прекрасную *Gherardo delle notti* и Апостола *Варфоломея*, а въ добавокъ женю тебя на Варварѣ Алфieri, которая есть первая красавица въ цѣломъ Христіанскомъ мірѣ, если у тебя, Карлосъ, есть глаза, чинобъ ей удивляться и сердце чинобъ любить ее.

Сей разговоръ происходилъ вблизи знаменитой статуи; Кардиналъ удивлялся ей смотря на нее прямо, а молодой Герцогъ съ боку разсматривалъ оную помнымъ взоромъ, въ самомъ прелестномъ ея видѣ.

— Мнѣ женишься, дядюшка! вскричалъ онъ.

— Ба, ба, мой дорогой племянничекъ! пожалуй попише! *Corpo di basso*, какъ пы воспламеняешься! и эпо тебя-то обвиняютъ въ равнодушїи?

— Мнѣ женишься, дядюшка, и для чего? Зачѣмъ перемѣняшь счастливую жизнь на судьбу неизвѣстную.

— Для чего, мой милый племянничекъ? Для того, чпобъ пвой первый сынокъ былъ послѣ тебя Герцогомъ Браккіано, чпобъ впорой былъ со временемъ. Кардиналомъ Браккіано и, можеть быть, Папою; для того, чпобъ я могъ дать въ приданое моимъ внучкамъ то, что успѣлъ скопить изъ своихъ доходовъ. *Caro mio!*

— Все это придетъ со временемъ, если будетъ угодно Богу, и Ваше Преосвященство напрасно беспокоишесь о моемъ благополучїи.

— Я шороплюсь, племянникъ; я не

имѣю времени ожидать. Если ты откажешься опъ моего предложенія, по оправдаешь всѣ подозрѣнія, которыя пропивъ себя имѣють.

— Какія подозрѣнія? вскричалъ молодой человекъ блѣднѣя.

— Хотя нѣкоторыя обвиняють тебя въ равнодушіи, но другіе напротивъ предполагають, что ты любишь въ тайнѣ какую-то красавицу, не достойную тебя по породѣ; и если скажешь тебѣ откровенно, Карлосъ, я самъ увѣренъ въ этомъ.

— Вы, вы, Милоспивѣйшій Государь? произнесъ Герцогъ еще въ большемъ смущеніи.

— Да, я имѣю на сіе письменныя доказательства: любовь сдѣлала тебя поэтомъ, миленькій мой Карлосъ. Не сердись же слишкомъ за то, что я узналъ тайну твоего Парнасса. Какъ

изъяснишь ты мнѣ назначеніе сего посланія, которое я при себѣ имѣю?

Кардиналъ вынулъ бумагу и началъ декламировать:

» Мое сокровище, душа моя, жизнь моя! о ты, копорую я оживляю моими поцѣлуями, тебѣ обязанъ я за лучшія минуты бытія моего! Вѣрная, скромная...»

Молодой человекъ выхватилъ у него бумагу, вскричавъ удушающимъ голосомъ:

— Да, я люблю, и люблю на всегда!

— Племянникъ! племянникъ! вскричалъ Кардиналъ, раздосадованный поспукомъ Герцога; ты опказываешься промѣнять *Мстительницу*, ты опказываешься опъ предлагаемой мною тебѣ невѣсты? ... Осперегись, я взбѣшенъ! И пріемыши имѣютъ руки, могу-

щія прибратъ все, что имъ дадутъ....
Мы увидимъ.

Два года спустя, во дворцѣ на Венеціанской площади раздавались звукъ инструментовъ и веселыя пѣсни празднества.

Можно ли было видѣть Варвару и не полюбить ее! Она имѣла всѣ прелести лѣтъ своихъ, и художники находили въ ней всѣ совершенства древней изящности. Она была весела, умна, жива; но совсѣмъ тѣмъ какая-то оппѣнка меланхолическая, неопредѣленная, породила въ ней симпатическое влеченіе къ людямъ задумчивымъ и важнымъ. Ея нарядъ, какъ и у всѣхъ Римскихъ дамъ, представлялъ смѣшеніе старыхъ и новыхъ временъ.

Когда Карлосъ увидѣлъ ее въ первый разъ, то удивлялся ей, но съ равнодушіемъ артиста, произносящаго

свой приговоръ о произведеніи живописи; онъ думалъ находить въ ней сходство съ своею *ta dona d'an drea del sarto*, болѣе еще съ своею Магдалиною, *Гвида*, и имѣлъ съ дѣвицею Алфіери разговоръ, который шѣлъ болѣе очаровалъ ее, что не походилъ на разговоры другихъ мужчинъ, которыя безпрестанно паскучали ей одними плоскими комплименстами, *concetti*, мифологическими на счетъ ея красоты. Она полюбила, но полюбила одна.

Чувства всегда подчинены тайнымъ причинамъ, независимымъ отъ нашей воли, и впечатлѣнія, внѣшними предметами производимыя, предрасполагають насъ къ онымъ. Любовь ожидаетъ ихъ, чтобъ побудить сердце раскрыться для нѣжнѣйшихъ изліяній. Сходство привычекъ часто объясняетъ странности предпочтенія.

Во второй разъ, Герцогъ Браккіано увидѣлъ Варвару на праздникъ въ вилла Боргезе, въ коей изящныя произведенія ваятельнаго искусства, выставленныя для показа зрителямъ, для него только были понятны выраженіемъ чувствъ, столь часто гибельныхъ.

Кардиналы, Епископы разглагольствоваши хладнокровно у подножія сихъ мраморныхъ боговъ. Карлось препеналъ въ виду той, копорую ему означали изображающую мать Браккіановъ. Сіе воспоминаніе еще занимало его воображеніе въ ту минушу, когда Варвара своею поступью гордо-преlestною, своими чертами нѣжно-суровыми представила ему другія черты, другую поступь. Вздохи жгли его грудь.... Карлось приближается, она шакже; онъ говоритъ, нѣжный и чи-

стый голосъ ему отвѣпствуетъ; онъ пропягиваетъ руку, рука въ оную влагается; онъ пожимаетъ оную нѣжно, такое же пожатіе ему соотвѣпствуетъ.... Боги! это уже не мраморъ!...

Карлосъ вскрикиваетъ и лишается чувствъ....

Когда находимъ то, что украшаетъ жизнь, какъ все мертво въ прошедшемъ!

Во дворцѣ, на Венеціанской площади, раздавались звуки инструментовъ и веселыя пѣсни празднества. Герцогъ Браккіано, въ упоеніи радости, велъ за руку ту, которая только что соединилась съ его участію неразрывными узами брака. Оба они были молоды и прекрасны; ихъ взоры подтверждали клятвы, только что произнесенныя

передъ алтаремъ Божиимъ. Двѣ фамиліи соединялись въ нихъ, и толпа гостей удивлялась имъ съ шумною радостію и живымъ восторгомъ.

— Это Венера и Адонисъ! говорили поэты и духовныя особы.

— Это два Ангела! говорили спарыя дамы.

Молодежь хранила молчаніе, но при всемъ томъ панштвенный шопоптъ измѣнялъ также внутреннему чувству сполькихъ волнующихся сердець.

Пиршество было великолѣпно.

Кардинала не доставало на празднествѣ: онъ уже отправился для соединенія съ своими предками.

Между тѣмъ какъ гости за свадебнымъ столомъ продолжали свои умныя бесѣды, Карлосъ уклонился опъ

всѣхъ взоровъ съ Герцогинею Браккіано.

Они пришли въ галерею, приготовленную для бала. Тишина, царствовавшая среди толпы сихъ совершенныхъ существъ, копорымъ рѣзецъ ваятеля не могъ только придаць чувствъ, копорыми нѣкопорые смертные одарены будпо по ошибкѣ, сія священная пишина переливала въ юныя сердца ихъ какую-то торжественную важность.... но они были очарованы пріятностями, вѣроятно воображаемыми....

— Варвара, душа моя!...

— Карлось! *mia vita!*...

Карлось обнялъ нѣжно алебастровую шею своей прекрасной невѣсты; ихъ пылающія уста встрѣтились...

Вдругъ Варвара съ поспѣшностію освободилась изъ его объятій.

— Я слышала, кто-то вздохнулъ, сказала она въ испугъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался отдаленный шумъ; они разстались при сихъ словахъ: — до вечера! «

— До вечера! повпорило эхо.

Все, что только Римъ имѣлъ въ стѣнахъ своихъ славнаго и благороднаго, фамиліи древнихъ Паприціевъ, фамиліи родственныя съ Папами, фамиліи прославившіяся изящными искусствами, все было соединено во дворецъ на Венеціанской площади. Имена Браккіано и Алфіери были во всѣхъ устахъ безпрестанно: столько — то оныя казались звучными въ сей праздничный день! Наконецъ открыли балъ; самый строжайшій этикетъ былъ

наблюдаемъ въ ономъ, и передъ *Брак-кианскою Венерою*, какъ на почепномъ мѣспѣ изъ всего дворца, родственники и друзья составили кругъ около молодыхъ.

Варвала хотѣла надѣть перчатку, и въ ту же минуту обручальное кольцо упало у ней съ руки.

— Это кольцо, Герцогъ, сказала она Карлосу, не держится у меня на рукѣ; я боюсь его поперясть.

— Сударыня, отвѣчалъ Герцогъ, цѣлуя съ восхищеніемъ сей знакъ вѣчнаго союза, нашъ золопыхъ дѣлъ мастеръ завпра вамъ его возвратитъ; во ожиданіи же, я надѣну оное на руку той, которую старинное преданіе почитаетъ геніемъ-покровишелемъ нашей фамиліи.

И онъ надѣлъ кольцо на палець стапуи.

Танцы продолжались большую часть ночи.

Когда госпи разѣхались, Карлось съ воей женою уклонились въ спальню.

— Герцогъ, сказала Варвара, успрямляя безпокойный взглядъ на брачное ложе, я не имѣю того кальца, которое обручало насъ другъ другу передъ лицомъ Божиимъ.

Карлось напечатлѣлъ на рукѣ, лишенной своего драгоценнаго украшенія, жаркой поцѣлуй и исчезъ.

Было уже очень темно въ галлерей стапуи, но Герцогъ идетъ ощупью; онъ такъ хорошо знаетъ сіи мѣста!... Идетъ... идетъ... доспигаетъ.

Это топъ мраморъ: Карлось узна-

епть его округлости; его рука заблуждается, его сердце бьется.

— Карлосъ! Карлосъ! женихъ мой! произносипть голосъ. Герцогъ, въ неописанномъ смущеніи, произнесъ имя Варвары.

Онъ ищетъ еще; наконецъ встрѣчаетъ руку шпагуи, но сія рука, на палець копорой онъ надѣлъ кольцо, сжалась и снятъ кольцо было не возможно.

—Карлосъ! Карлосъ! женихъ мой! произнесъ снова голосъ.

Кольцо не снималось, и Карлосъ, препенущій, въ безпамятствѣ, колебался между воспоминаніями прошедшаго и своею любовью къ Герцогинѣ.

— Карлосъ! Карлосъ! женихъ мой! произнесъ еще голосъ жалостно и безпокойно.

Кольцо не снимается, но воспомина-
 ніе о Герцогинѣ придаетъ наслѣднику
 Браккіановъ дерзость, до сего времени
 невѣдомую. . . . Рука эта ломка: надоб-
 но ее отбить; онъ ищетъ кусокъ же-
 лѣза и ударяетъ. . . .

Печальный вопль раздается въ гал-
 лереи.

Обручальное кольцо вырвано силою.
 Герцогъ спѣшилъ туда, гдѣ ожидала
 его любовь.

Алебастровая лампа разливала свой
 блѣдный свѣтъ; дымъ, отъ благо-
 воній курящихся, образовалъ тонкія
 облака. . . .

— Варвара! вскричалъ онъ, бросаясь
 на постель.

Отверспія объятія принимающъ
 его и сжимающа въ судорожномъ

движеніи. . . . раздался продолжитель-
 ной вздохъ: послѣдній Браккіано уми-
 ралъ въ объятіяхъ *Мстительницы*.
 Во всѣхъ концахъ дворца раздался
 жалостный голосъ мраморной невѣ-
 сты, произносящей гибельное проро-
 чество:

» Последнимъ будетъ въ своемъ родѣ
 » шопъ, кто первый мнѣ измѣнитъ. «

РОЗОВАЯ ШЛЯПКА.

АНЕКДОТЪ 1829 ГОДА.

Попеченіе о своемъ уборѣ нынѣ считается наравнѣ съ красою природною; готовы оспаривать оную у женщины имѣющей болѣе всѣхъ правъ, ежели она не умѣетъ блистать, не сполько своимъ убранствомъ, но шѣмъ блестящимъ оппѣнкомъ, привычки,

употреблять объ ономъ самыя дѣятельнѣйшія попеченія. Нужны положительныя основанія даже для самыхъ въспреннихъ выдумокъ моды.

Самая смѣшная шляпка изъ магазина *Гербота*, самыя свѣжіе цвѣты *Натъе*, вся щеголеватость густыхъ ея гирляндъ, картина невинности дѣвственныхыхъ вѣнковъ, потеряюпъ свое достоинство, если волосы не будутъ расположены къ удачному оныхъ помѣщенію.

Мущины нынѣшніе умѣютъ оплечать крепь отъ газа, и не смѣшиваютъ оныхъ съ кисеею и тюлемъ; они постигаютъ всѣ тайнства моды, схватываютъ всѣ оппѣнки, и наши глубокомысленные молодые люди, на балѣ, съ помощію лорнета, умѣютъ судить о всемъ, начиная отъ бантика, укра-

шающаго округлостъ прелестной головки, до кончика башмачка, означающаго совершенство хорошенькой ножки. Судьи спрогїе, они цѣлою массою произносятъ свои рѣшенія, и я часто слышалъ ихъ обвиняющихъ самую прекраснѣйшую изъ женщинъ за какое либо ничпожное опступленіе въ своемъ уборѣ, и тогда же отдавали преимущество, должное красотѣ, лучше одѣтой; хотя первая не столь обязана была своею прелестію наряду, нежели природѣ. Сіе несправедливое предпочтеніе отдаютъ даже и люди разсудительные, которые, кажется, забываютъ свою важность, чѣмъ предаваться смѣшному осужденію предметовъ столь маловажныхъ.

Одно изъ таковыхъ колкихъ мѣтій, выраженное неоспорочно, поразило же-

споко на одномъ Парижскомъ балѣ
слухъ госпожи Де.....

»Это, безъ сомнѣнія, прекрасная особа: ея шалія превосходна; ея черты имѣютъ правильность похожую даже на искусственную; она превосходно танцуетъ; ея платье, какъ кажется, очень дорогое; однако общность наряда совсемъ не такова, каковою быть должна! Этого цвѣтокъ одинокой и не у мѣста приколотый, разрушаетъ весь эффектъ прически. Этого поясъ, слишкомъ низкой, образуетъ при некрасивыхъ складкахъ. Ея ножка очень мала, но башмаки неодинакаго бѣлаго цвѣта.

Посмотри на дѣвицу Де..... танцующую на супротивѣ. Какой превосходный уборъ! Это образецъ щеголеватости и вкуса. Удивляйся округлости юпки ея платья. О, я хо-

тѣль бы, чтобъ она была короче, а ножку гораздо деликатнѣе, отвѣчалъ безжалостный кристикъ.

Тутъ госпожа Де..... уже не слушаетъ болѣе, не имѣетъ надобности слушать. Ударъ нанесенъ; ея дочь, которую она обожаетъ, которой свѣтскіе успѣхи ей столько дороги, и которыхъ она надѣялась для нее во время бала, уже, кажется ей, изуродованною своимъ нарядомъ. Ея глаза устремляются на колеблющійся цвѣтокъ, кажется ожидающій только конца конпрдансса, чтобъ поперяты равновѣсіе, и которому послѣдній звукъ инструмента, кажется, подаетъ знакъ къ паденію. И онъ упадетъ дѣйствительно на руки кристика, который посѣтуетъ опнеси его къ Г-жѣ Де..... Но сія дама уже накинула на шею своей дочери полушалъ, служащую

всегда для промежутковъ конпрданса, и взявши ее за руку, увлекаеиъ въ переднюю.

Напрасно Алфредъ ищетъ приблизиться къ Г-жѣ Де..... дабы опдаиъ сей цвѣтокъ, который она спараетса не замѣчатъ подъ различными предлогами; напрасно онъ слѣдуетъ за нею даже къ подъѣзду, къ коему приблизилась уже безпрепятственно ея карета. Г-жа Де... сажаетъ въ оную дочь свою какъ можно поспѣшнѣе, чпобъ сохранить опъ вліяніа холода, и обѣ уѣзжаютъ.

— За чѣмъ споль внезапный опѣздъ, маменька? сказала прекрасная Марія. Развѣ вы чувствуете себя больною?

— Нѣтъ, Машенька; но я въ тягостномъ положеніи!

— Боже мой! что такое случилось?

— Бездѣлица, совершенная бездѣлица, которая ежедневно случается, но со всѣмъ не кспати случилась нынѣ; не только что трудно заставить тебя заниматься твоимъ шуалепомъ, но даже когда ты сіе исполняешь, то и тогда я не пользуюсь симъ благодѣяніемъ; да, благодѣяніемъ, моя Машенька, потому что для меня счастье — успѣхъ твой въ свѣпѣ. А ты меня лишаешь онаго своею небрежностію. Когда я полагаю, что ты одѣта уже карпинкою и даже совершенно въ томъ увѣрена, ты находишь средство, какъ нибудь неосторожно нагнувшись, уронивъ безопасно булавку, коей важность совсѣмъ не предполагаешь, испортишь всю твою привлекаемость; находясь и тогда въ твоей талии недоспаш-

ки и крипикуютьъ шебя, вмѣсто того, чшобъ тебѣ удивляться.

— Любезнѣйшая маменька, вы слишкомъ уже изволише быть милоспивы ко мнѣ, даже до чрезвычайности.

— Такъ, дочь моя, я знаю все, что есть предосудительнаго въ словахъ моихъ. Ты находишь меня слишкомъ мелочною, я не оправдываюсь; но сердце мое изъ сей бездѣлицы образовало важное чувспво, которое смѣшиваепся со всѣми другими моими чувспвами къ тебѣ. Когда я была молода, по долженствовала походить немного на то, чѣмъ мы теперъ есть. Хотя я менѣе шебя прекрасна, по находяпъ еще и теперъ между нами сходспво. Обыкновенно таковымъ плоскимъ комплиментомъ открываются учспвости, которыми меня мучапъ и ко-

порые меня бѣсятъ, какъ будто бы я при тебѣ всегда дѣлаюсь также замѣпною; а на чемъ это основано? на какихъ нибудь пряткахъ, на шляпкѣ съ розовыми перьями, и эпортъ Г. Алфредъ, который взялъ на себя понъ верховнаго судьи....

— А, такъ это Алфредъ меня находитъ дурною и горбатою?

— Развѣ я говорила объ немъ? Да, это онъ, который предпочитаетъ тебѣ эту дѣвицу Де....., которая похожа на канатную комедіантку, красится румянами гораздо болѣе всѣхъ спарухъ—болѣе меня; которая, кажется, имѣетъ поддѣльные зубы, глаза на выворотъ, ужасно полста, а затягивается въ корсетъ, щеславна, непріятна....

— Милая маменька! сказала Марія,

сколько ты дѣлаешься зла изъ любви ко мнѣ.

Нѣжныя ласки послѣдовали за сими словами. Она прижала мать свою къ сердцу.

Наконецъ онѣ пріѣхали домой съ лицами столь разспроенными, что ихъ почли больными. Онѣ сослались на усталость, принудившую ихъ такъ скоро возвратиться.

Надобно дать какое либо понятіе объ эпомѣ Алфредѣ. Ко всѣмъ преимуществамъ красоты наружной, онъ присоединялъ богатство и знатность породы: онъ долженъ былъ наследовать достоинство Пера, и никогда сіе достоинство не было заслужено столькими совершенствами. Единственный порокъ, который онъ имѣлъ, было смѣшное желаніе быть ораку-

ломъ вкуса! Сей недоспапокъ опть младенчества былъ въ немъ поддержень и ободряемъ спарой шепкой, копорая придавала цѣну только вещамъ наружнымъ. Бриллиантовая уборка, манерь, каковымъ она надѣпа, перья или цвѣпы, бархатъ, апласъ, мѣхъ, копорый имъ приличеспвовалъ, сорпировка матерій, въ шакое-то время года надѣваемыхъ и въ шакое-то время оспавляемыхъ, было важнѣйшимъ событіемъ, о копоромъ она разсуждала шоржеспвенно, и на счепъ коего всегда совѣшповалась и соглашалась съ Алфредомъ. Похвалы его вкусу были данію удовлетвореннаго самолюбія, и сія слабость вкрасась нечувспвительпо въ его характеръ, между многими опличными качествами, ожившими только случая развернушься во всемъ блескѣ. Постепенно сія

опличныя качества оживляли его сердце и украшали разумъ; но недостатковъ, въ которомъ его обвиняли, увеличивался, росъ также поспепенно; а какъ онъ дѣлалъ впайнѣ все доброе заслуживающее похвалы, а слишкомъ явно то, что казалось достойнымъ порицанія: то по сему имѣлъ болѣе обвинителей, нежели защитниковъ. Малое число послѣднихъ никакъ не могло съ успѣхомъ защитить его противъ важнаго обвиненія за неважный недостатокъ, вредный только для него.

Госпожа Де. которая сама была подвержена слабостямъ, извиняла слабость Алфреда. . . . Она на всѣхъ безпристрастія измѣряла благородство его характера, возвышенность его души и тѣ ничтожныя ошибки, которыя исчезали передъ столькими

совершенствами; она сравнивала его характеръ съ характеромъ своей дочери, и видѣла, что соединя ихъ, всѣ они могутъ быть счастливы; даже она думала находить въ сердцѣ своей дочери готовность отвѣтствовать Алфреду, какъ скоро Алфредъ сдѣлаетъ предложеніе. Но ея материнская нѣжность преобладала удивленія, энтузіазма для своей любезной Маріи, и то, что она услышала на балѣ, разсѣяло совершенно блестящія надежды, которыми воображеніе украсило будущую участь ея дочери. Важныя размышленія замѣнили блестящія мечты, и ночь безпокойная была послѣдствіемъ сихъ впечатлѣній. Напротивъ того сонъ прекрасной Маріи былъ тихъ и спокоенъ, какъ ея мысли.

Она предупредила пробужденіе своей матери, старалась ее успокоить, смѣю-

чись, на счетъ вчерашнихъ безпокойствъ. Но на прекрасномъ лицѣ госпожи Де..... не было уже прежняго выраженія спокойствія: важныя размышленія смѣнили душевныя волненія, произведенныя вчерашнимъ баломъ, и она занималась изысканіемъ средствъ замѣнить поперю надежды, оныя которой должна была опказаться. Она не говорила съ Марією о прошедшемъ; казалось напротивъ, что она хотѣла изгладить даже изъ ея памяти впечатлѣнія, которыя боялась найпти слишкомъ укоренившимися. Согласно съ таковымъ планомъ, приняла видъ, что ея особенно занимаетъ праздникъ, имѣвшій бытъ у Посланника Де..... къ которому она была приглашена. Она занялась уборкою своей дочери, давшей слово не облакачиваться ѣхавши на балъ, ни опкадывать даже булавки

безъ позволенія своей матери. Такое занятіе было прервано письмомъ Графини Де....., просившей позволенія посѣпить ихъ вечеромъ. Графиня была тетка Алфреда съ опцовской стороны. Она первая подала мысль супружества, о коемъ теперь почитали невозможностию даже и думать, и вѣроятно, о томъ же предположеніи опять хопѣла говорить. Всѣ печальныя размышленія Госпожи Де..... возобновились при семъ. Если Графиня сдѣлаетъ основательныя предложенія? какой благовидный предлогъ найти для прикрытія отказа? Она не знала, что отвѣчать, когда Марія, ничего не зная о ихъ прожектахъ на счетъ ея замужства, уговорила мать свою принять Графиню.

— Покрайности, сказала она, въ ея глазахъ я не кажусь дурною и горба-

пою: она всегда говоритъ, что я похожа на васъ и почти столь же прекрасна, какъ и вы.

Госпожа Де..... отвѣчала Графинѣ, что она приметъ ея съ удовольствіемъ вечеромъ, и кромѣ ея, всѣмъ другимъ прикажетъ отказываться; нашла средство занять свою дочь, чтобъ остаться наединѣ съ Графиней, не упустившей явиться съ почтностію на свиданіе, и первыя слова ея, входя, были: » Наше дѣло идетъ такъ удачно, что ежели вы согласны, то мы можемъ достигнуть цѣли столь желанной, покрайности съ моей стороны. « Но молчаніе Госпожи Де....., ея нерѣшительность заставили Графиню хохотать опъ всего сердца. » Я все знаю, « сказала она. » Конечно оскорбленіе велико, и поправитъ оное нѣтъ » средствъ, кромѣ брака. Я знаю пор-

» жественную ничпожность моего пле-
 » мянника, копорый, между нами ска-
 » заню, говорилъ мнѣ спо разъ, что онъ
 » находить васъ лучше одѣпою, чѣмъ
 » Марія, такъ важно расхваливая розо-
 » вую шляпку, копорая васъ дѣлаепъ
 » споль же молодою и почти споль же
 » прекрасною, какъ она.« — Вы видипе
 на моемъ туалептѣ эту шляпку. —
 » Прекрасно! и такъ зная его спрастпъ
 » къ мелочамъ и осуждая оную на рав-
 » нѣ съ самолюбіемъ, копорыя только
 » два порока онъ и имѣепъ, я хопѣла
 » оба упопробипъ для содѣйспвія ус-
 » пѣху нашего прожекта. Сіе само-
 » любіе основывалось только на желаніи
 » бытъ супругомъ вашей прекрасной
 » Маріи, дабы имѣтъ право заниматьса
 » ея туалептомъ, украшати, усовершен-
 » ствовати ея нарядъ, дабы обладати
 » самую прекраснѣйшею женщиною и

» первую щеголихою въ цѣломъ Парижѣ.
 » Онъ не былъ споль опкровененъ,
 » чшобъ меня сдѣлать повѣренною его
 » пайны, но издалека говорилъ мнѣ о
 » счастья соединиться съ споль оплич-
 » ною особою. Я признаюсь вамъ, что
 » спаралась утвердить и возбудить сіе
 » желаніе, сказавъ ему, что вы уже изда-
 » вна имѣете планъ для замужства вашей
 » дочери; что сей планъ, соединяющій
 » всѣ выгоды, будетъ въ скорости приве-
 » денъ въ дѣйствіе. Алфредъ блѣднѣлъ
 » при каждомъ словѣ, при каждой подро-
 » бности сего выдуманнаго мною замуж-
 » ства. Будучи увѣренъ въ точности
 » выдуманной мною новости, онъ встрѣ-
 » тилъ васъ на балѣ, и его самолюбіе,
 » тогда пренебрегая даже приличія,
 » спаралось показать, что онъ совер-
 » шенно не занимается Марією. Онъ
 » крипиковалъ ея шуалешъ, крипико-

» валь даже ее лично; но едва сіи ху-
 » лы излещѣли изъ его успѣ, какъ уже
 » раскаяніе поселилось въ его сердцѣ.
 » Онъ самъ разсказываль, что его гла-
 » за были полны слезъ, когда онъ про-
 » вожалъ васъ до карепы, но вы не
 » удоспоили его даже взоромъ. Онъ
 » провелъ ночь ужасную, и нынѣшнимъ
 » ушромъ самъ разбудилъ меня и ввѣ-
 » рилъ свою пайну. Онъ обожаешъ
 » Марію, васъ почищашъ и любилъ такъ-
 » же почи, какъ ее; хочешъ бросишься
 » къ вашимъ ногамъ, получишь проще-
 » ніе и умерешъ съ печали, если не
 » можешъ жить для васъ обѣихъ! Вопъ
 » что онъ сказалъ мнѣ и что намѣренъ
 » лично повпорить передъ вами. Я дала
 » ему свиданіе здѣсь. «

При сихъ словахъ разговоръ былъ
 прерванъ приходомъ Маріи, которая
 видя, что мать ея не одна, хотѣла

удалишься; но ее пригласили остаться. Она замѣтивъ, что ея волосы были въ безпорядкѣ, надѣла на себя розовую шляпку своей матери, и сѣла за фортепьяно, чтобъ дать время возобновить разговоръ, приходомъ прерванный. Едва сѣла она, обратившись спиною къ двери, какъ доложили о пріѣздѣ Графа Алфреда, который, обманувъ шляпкою, имъ узнанной, бросается къ ногамъ Маріи. Съ какимъ прососердечіемъ онъ приноситъ извиненія, съ какимъ жаромъ изъясняетъ предъ тою, которую почитаетъ за мать, всю силу чувствуемой имъ страсти къ дочери; но въ отвѣтъ получаетъ только охладѣвшую руку. Лице, на коемъ желалъ бы онъ прочесть надежду на прощеніе, остается опвороченнымъ; напрасно онъ вздыхаетъ, напрасно обливаетъ слезами сію руку

хладную и безчувственную; но въ поже время падаетъ на его плечо ослабѣвшая голова той, которую онъ упрашиваетъ.... Это Марія. . . . это она, которой полуотверстыя взоры ищутъ встрѣпиться со взорами ея матери. Сія послѣдняя бросается въ объятія своей дочери, поднимаетъ Алфреда, называя его своимъ сыномъ, обещаая ему все счастье, имъ желанное.

На другой день начались приготовления къ свадьбѣ. Алфредъ едва, едва соглашается на всѣ необходимыя обряды, которые стараются сокращать. Контрактъ свадебный изготовленъ, удостоенъ королевской подписи, и прежде нежели пропекли три недѣли, Алфредъ былъ уже женатъ.—Алфредъ, упоенный своимъ благополучіемъ, сдѣлался гордымъ счастливецомъ; онъ съ довѣренностію выслушиваетъ похвалы

красотѣ Маріиной. Но при дворѣ ожидается для себя дня торжественнаго. День его представленія назначенъ. Сколько занятій для Алфреда, сколько онъ колеблется между великолѣпіемъ, которое такъ было бы прилично стройной талии, высокому росту и благородной осанкѣ Маріиной, и простотою наряда, который бы выражалъ скромность и невинность. Надлежало подвергнуться законамъ приличія. Бриллианты есть та вещь, которую пренебрегать не дерзають, и такъ рѣшено, что оныя будутъ блистать въ волосахъ Маріи, образуя корону блестящихъ розъ, что оная будетъ служить основаніемъ для перьевъ, которыхъ мелькающая бѣлизна будетъ сънимать ея голову. И блондовый вуаль, сложенный по формѣ, пребуемой эпикепомъ, будетъ казаться поддерживаемъ сею

бриллиантовою короною. Ея плапье съ серебряными феспонами украсиля разноцвѣтными каменьями; гирлянда блестящихъ листьевъ будеть убрана перьями, подобно головной уборкѣ. Украшеніе ея придворнаго верхняго плапья сходствовало съ плапьемъ нижнимъ; букеть бѣлыхъ розъ, перемѣшанныхъ съ бриллиантами, довершалъ ея убранство. Въ семъ блестящемъ нарядѣ молодая супруга Графа Алфреда Де....., будучи представлена ко двору вмѣстѣ съ другими четьырма новобрачными, обратила на себя одну столь живой энтузіазмъ, что оный не могъ быль скрытымъ, даже не смотря на тишину, пребуемую спругимъ придворнымъ эпикетомъ. Когда она приблизилась между своею матерію и Графиней Де..... шепкою Графа Алфреда, всѣхъ взоры, на нее успремленные, ка-

залось, отдавали дань удивленія восхи-
 тительной ея походкѣ, въ которой
 небольшая робость ни мало не отнима-
 ла прелести, и всякій, казалось, испра-
 шивалъ благоволенія Короля къ послѣд-
 нему поклону, ею сдѣланному, прибли-
 жаясь къ Его Величеству.

Подобный же успѣхъ имѣла она
 представляясь Прицамъ и Принцес-
 самъ, и возвратившись была осыпана
 похвалами цѣлаго семейства. Но могли
 ли они имѣть для нея цѣну послѣ
 восхищенія Алфреда, когда будучи пре-
 красною только красою природною,
 она слышала слова его: » Ахъ, Марія!
 » надобно тебя видѣть безъ всякихъ
 » украшеній, чтобъ тебѣ удивляться!
 » и сіе наслажденіе есть мой удѣлъ!
 » И Короли могутъ мнѣ въ семь зави-
 » довать! «

МАЖОРДОМЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛОРВИЛЬСКИХЪ ВЕЧЕРОВЪ.

Si l'on avait l'histoire du zèle depuis Caïn jusqu'à nous, on n'y trouverait que meurtres et massacres.

ADDISON.

Лордъ Едвинъ Сиднамъ лишился своей матери; въ опчаяніи своемъ, онъ казался и самъ близкимъ къ гробу, пораженный болѣзнію, споль справедливо названною *brochen heart*, сею смертною слабоспію, означающею бо-

реніе любви дѣтской съ другою любовію въ первый разъ въ жизни.

Сирота въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, обладатель обширнаго имущества, своею порокою, своими опличными палантами призываемый къ первѣйшимъ должностямъ въ государствѣ, Едвинъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ помился, пораженный глубокой задумчивостію, когда одинъ изъ его школьныхъ друзей посѣпилъ его въ замкъ *Ерингтонъ*, принадлежавшемъ молодому Лорду. Всякой другой, на мѣстѣ Сирѣ Ричарда Олдnea, потерялъ бы охоту и терпѣніе, слушая безпреспанные отказы людей Лорда Сиднама допустить его къ Едвину. Они получили настоятельное повелѣніе не допускать никого ни подъ какимъ предлогомъ. Одинъ изъ нихъ лишился мѣста за то, что дозволилъ войти въ

паркъ нѣкопорымъ иностранцамъ. Этого было довольно, чтобъ заставить ихъ съ упорствомъ отказаться отъ просьбъ и подарковъ Сира Ричарда.

Будучи уже готовымъ уступить столькимъ препятствіямъ, онъ спросилъ, живъ ли пощъ старый Гувернеръ, котораго имѣлъ при себѣ Едвинъ въ Оксфордскомъ Университетѣ? Ему отвѣчали, что онъ не оставялъ Лорда и живеть въ одной изъ бесѣдокъ, прилегающихъ къ замку, что его воспитанникъ ходитъ къ нему каждый день, имѣеть о немъ самыя нѣжныя попеченія; ибо бѣдный Диксонъ былъ разбитъ параличемъ. » Проводите меня къ сему доброму спарику, » сказалъ Сиръ Олdney; « онъ меня узнаеть, и съ удовольствіемъ согласится напомнить обо мнѣ своему во-

» спитаннику. « Какъ приказаніе о недопускѣ ни кого не касалось до Диксона и до друзей, его иногда посѣщавшихъ, по и проводили Сиръ Ричарда къ старику. Онъ узналъ отъ него то печальное и убійственное положеніе, въ коемъ находился Едвинъ, ему столь любезный; и Диксонъ общался употребить всѣ зависящіе отъ него способы, чтобъ помочь Сиръ Олднею изпоргнуть своего друга отъ печали, его угнетающей, и постараться удалить отъ мѣстъ, въ коихъ она безпрестанно умножалась.

Хитрости, употребляемыя дружбою, рѣдко остаются безуспѣшными, потому что напередъ уже бывають прощены, и спокойствіе совѣсти увѣренной, что человекъ дѣйствуетъ безъ всякихъ личныхъ выгодъ, дѣлаетъ его предприимчивымъ и увѣреннымъ въ

успѣхъ. Всѣ предположенія Ричарда сбылись. Едвицъ, пронутый благородствомъ чувствъ его друга, который бросилъ все, чтобъ спараться его успокоить, не долго колебался подвергнуться столь пріятной власти.

Сирь Ричардъ сдѣлалъ пригото-
вленіе къ продолжительному путеше-
ствію, и Едвинъ позволилъ ему уве-
сти себя, не заботясь даже спросить,
въ которую сторону свѣта онъ на-
мѣренъ съ нимъ ѣхать. Онъ удалился
отъ гроба своей матери, единствен-
наго друга, котораго понимало его
сердце, и послѣ этаго какая ему бы-
ла надобность до мѣста, назначеннаго
быть его изгнаніемъ; но прекрасное
небо Италіи воспоржествовало на-
онецъ надъ симъ хладнымъ равнодуші-
емъ ко всѣмъ предметамъ, не заклю-

чающимъ въ себѣ предмета его горести.

Едва Лордъ Сиднамъ переѣхалъ Альпы, какъ уже видъ бунпующихъ водопадовъ, видъ сихъ вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, сихъ феноменовъ величія природы, заставилъ его понять всю свою ничтожность. Такъ малъ кажется челоуѣкъ среди сихъ гигантовъ, что исчезаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ будто въ глазахъ пастуха, который съ вершины горы опыскиваетъ его взоромъ на долину.

Прибывши на землю Папской области, новое чувство себя-униженія присоединилось къ чувству, уже испытываемому Едвиномъ. Опъ какихъ горестей не почувствуешь себя' облегченнымъ при видѣ печальныхъ остат-

ковъ всемірной Монархіи на сей безплодной землѣ!

Пребываніе въ Римѣ имѣетъ сполько прелестей для сердець печальныхъ, потому что все ими видѣнное соопвѣтствуетъ ихъ грустному расположенію духа. Правительство колеблющееся, безпокойное, бѣдность угрожающая, разливали на все какую-то печальную оппѣнку, раждающія сполько же воспоминаній, сколько спраха. Ричардъ скоро замѣшилъ, что вмѣстопого, чпобъ возвратитъ Едвину здорovie и удовольствія, свойственныя его возрасту, пребываніе въ Римѣ усугубляло его печаль и разстроивало всѣ выгоды, доставленныя путешеспвіемъ.

Надѣясь лучшаго опъ величественнаго вида Неаполя, сихъ очаровательныхъ береговъ, сего кропкаго неба,

оживляющую душу, Ричардъ сказалъ Едвину, что важное обстоятельство призываетъ его въ Неаполь, и Едвинъ не колебался за нимъ послѣдовать.

Камердинеръ Лорда Сиднама отпра-вился напередъ, имѣвъ приказаніе избрать самую лучшую изъ всѣхъ квар-тиръ, находящихся на *Шиае*. Онъ такъ хорошо исполнилъ сіе порученіе, что Лордъ поздравилъ его съ удачнымъ выборомъ, и онъ имѣлъ удовольствіе видѣть улыбку удивленія на устахъ Едвина, когда сей разсматривалъ съ балкона великолѣпный видъ моря, по-крытаго бѣлыми флагами судовъ, у-сѣяннаго смѣющимися островами и увѣнчаннаго Везувіемъ. »Наконецъ здѣсь можно отдохнуть!« сказалъ Едвинъ пріѣхавши въ Неаполь, и уже чувствуя благодѣтельное вліяніе сего роскошна-го климата, имѣлъ сколько силы и

здоровья, что могъ всякое утро дѣлать продолжительныя прогулки верхомъ. Ричардъ видѣлъ, что онъ поспешенно начиналъ обращать вниманіе на то, что поражаетъ взоръ путешественника въ сей странѣ чудесъ; но Ричардъ скрывалъ въ своемъ сердцѣ ошущаемую имъ радость, видя своего друга уже менѣе прежняго погруженнаго въ печаль, потому что самыя чистѣйшія, самыя благороднѣйшія чувства имѣютъ оппѣнку пщеславія, не хотятъ даже признаваться въ томъ, что чувствуютъ уменьшающуюся ту горестъ, копорую почипали вѣчною; и Ричардъ удовольствовался доставленіемъ каждый день новаго развлеченія своему любезному Едвину, не переспавая однако сожалѣть о немъ.

Ободренный счастливою переменною, видимо происходящею въ характерѣ

Едвина, Ричардъ ему предложилъ возвратиться къ удовольствіямъ и обществу; но сдѣланное испытаніе оказалось совершенно прошивное тому, чего онъ ожидалъ. Едвинъ возвращался изъ блестящихъ собраній столь печальнымъ, что упросилъ Ричарда впредь не брать его съ собою, обѣщаясь быть довольнымъ пѣми разказами, которые Ричардъ могъ ему обѣ оныхъ дѣлать.

Однимъ вечеромъ, когда Сиръ Ричардъ находился въ концертѣ у супруги Австрійскаго Посланника, Едвину вздумалось выдти подъшапъ свѣжимъ воздухомъ на террасъ, съ коей можно было видѣть всю внутренность двора занимаемой имъ ошели. Благовошіе померанцовыхъ цвѣтовъ, журчаніе фонтана, склонили его сѣсть на скамейку посреди цвѣтовъ, которые

въ сей спираль равно украшаютъ жизнь бѣдняка и террасы дворцовыя. Прелестное вліяніе очаровательной ночи погрузило его, въ первый разъ послѣ несчастія, въ сладостную задумчивость. Чувство одиночества, невозможность излить въ сердце друга чувствуемое имъ упоеніе, оживляло, такъ сказать, его безпредметныя мечты. Онъ создалъ себѣ призракъ, котораго любилъ, съ которымъ говорилъ, которому отвѣчалъ.

Его взоры, обращенные къ небу, казалось, искали на облакахъ идеала, созданнаго его воображеніемъ; вдругъ яркій свѣтъ поражаетъ его взоры. Терраса сосѣдственнаго дома освѣпилась, пиццы вспрепенулись въ позолоченныхъ клѣпкахъ и, обманувшись нечаяннымъ появленіемъ свѣта, многія изъ нихъ начали пѣть. Минуту

спустя, женщина съ покрываломъ на головѣ облокотилась на подножіе скамьи, украшавшей сей воздушный садъ. Она пребывала долгое время неподвижною на одномъ мѣстѣ, потомъ вздрогнула и съ живостію обратилась къ окну, изъ коего неслись гармоническіе звуки. Сіе появленіе посреди цвѣповъ прекрасной молодой женщины, мечтающей при звукахъ арфы, осуществляло идеаль Едвина, и онъ началъ удивляться оной только тогда, когда двѣ другія особы, подошедши къ закрытой покрываломъ дамѣ, взяли ее подъ руки и проводили къ двери, изъ коей былъ выходъ на террасу. Онѣ вошли, свѣпъ исчезъ и Едвинъ долго спрашивалъ самъ себя, не было ли сіе явленіе слѣдствіемъ его разспроеннаго воображенія? Безъ сомнѣнія, онъ бы остался всю ночь на тер-

расть ожидаць возврата сего прелестнаго привидѣнія, если бы прибытіе Сира Ричарда не прервало его мечтаній, въ ту минуту, когда онъ только располагалъ вновь предаться онымъ.

Сдѣлавъ дружескій выговоръ Едвину за то, что онъ не спалъ дожидаясь его, Сиръ Ричардъ началъ ему рассказывать о удовольствіяхъ проведеннаго имъ вечера, восхищался превосходными паланшами Арписповъ, собранныхъ супругою Посланника, сожалѣлъ, что Едвинъ не слышалъ сего прелестнаго, удивительнаго концерта; даже досадовалъ самъ на себя, что не упросилъ своего друга сдѣлать ему сіе удовольствіе, замѣчая въ Едвинѣ ту же самую задумчивость, и увѣренный, что мысли его слѣдуютъ все еще одному и тому же направленію.

Не желая обманывать своего друга, Едвинъ оставилъ его въ заблужденіи; невозможность изъяснить имъ чувствуемое, помѣшало ему обьясниться. Есть въ неопредѣленныхъ чувствахъ прелесть, исчезающая при опредѣленности. Самая неопытная душа постигаетъ, что одно разсудительное слово, малѣйшее размышленіе, можемъ разрушить предположенія, оживленныя надеждою возможности, и спрахъ дѣлаемъ робкимъ.

Однако Лордъ Едвинъ, будучи въ нетерпѣннѣи знашь, кто живетъ въ сосѣдственномъ домѣ, поручилъ своему камердинеру о томъ освѣдомиться; и сей, возвратившись, пересказалъ ему все имъ слышанное отъ хозяина и сосѣдей.

» Сей дворець, котораго отсюда видна только незначительная частица,

принадлежитъ древней фамиліи Герцоговъ Фіорамонте; говорятъ, что въ ономъ есть великолѣпная карпинная галлерей, которая служитъ къ личному содержанію своихъ господъ, съ тѣхъ поръ, какъ они приняли спорону другаго Короля, въ надеждѣ возвратитъ прежнее богатство. Старый Герцогъ Фіорамонте былъ повѣшенъ при возвращеніи нынѣшняго Короля. Я думаю, что если Милорду угодно, легко будетъ за выгодную цѣну приобрести нѣсколько стапуй или картинъ изъ сей драгоценной коллекціи. Управитель имѣетъ порученіе продавать оныхъ сколько возможно болѣе иностранцамъ, не сказывая однако имъ, откуда беретъ оныя, попому что для Испаліянскихъ господъ большой стыдъ быть доведенными до необходимости продавать тѣ изящныя произве-

денія искусства, которыя украшали ихъ дворцы въ продолженіи столькихъ годовъ.»

— Безъ сомнѣнія, я хочу купить, отвѣчалъ съ живоспію Едвинъ; но напередъ не могу ли оныхъ видѣть?

— Я думаю что можно; но чпобъ бытъ болѣе увѣреннымъ, я спрошу у Мажордома, Герцога Фіорамонпе. Онъ часто бываетъ по вечерамъ у синьора Ринальдо, и я успрою такимъ образомъ....

— Нѣтъ, поручи это лучше Ринальду: онъ сдѣлаетъ это такъ, чпобы не обидѣть и не встревожить спарого Герцога и его слуги; ибо я знаю ту знаменишую власть, которую означаютъ здѣсь именемъ Мажордома: это обыкновенно господинъ господина.

— Ваша правда, Милордъ; эптопъ управитель всегда говоритъ: наша галерея, нашъ дворецъ, наша *bella faccialla*....

— О комъ ты говоришь? прервалъ Едвинъ съ живостію. Не объ молодой ли?... Онъ остановился, боясь измѣнить своей мысли.

— Точно такъ, я говорю о дочери Герцога Фіорамонте, которая поручена попеченію его и старой няньки. Говорятъ, что она прекрасна какъ Ангелъ; но сіи два Аргуса такъ строго за нею наблюдаютъ, что не лзя съ точностію судить объ ней. Синьоръ Ринальдо увѣряетъ, что здѣсь такой обычай во всѣхъ знатныхъ домахъ, лишенныхъ способовъ жить въ свѣтѣ съ прежнимъ блескомъ: сихъ двушекъ держатъ въ заперти съ такою строгостію, что въ пошъ день,

когда онъ поспригаюпся, имъ уже не о чемъ жалѣть.

— Я пойду завтра же посмотрѣть галерею, если только это возможно, сказалъ Лордъ Сиднамъ. Спарайся поговоришь съ Мажордомомъ: это должно опъ него зависѣть.—Георгъ, счастливый пѣмъ, что наконецъ его господинъ имѣеть желаніе, поспѣшилъ оное удовлетворить.

Въ тотъ же вечеръ, Георгъ, улучивъ свободную минуту, когда Стефано ежедневно опдыхалъ подъ порпикомъ дворца Фіорамонне, съ такимъ жаромъ описалъ ему богатство своего господина, его великодушіе и возможность продать ему большую часть галереи спараго Герцога, что Стефано обѣщаль Георгу быть готовымъ принять Лорда Сиднама слѣдующимъ утромъ.

Согласясь въ ономъ, Георгъ бросилъ мимоходомъ нѣсколько словъ описательно прекрасной особы, копорую иногда видно на террасѣ дворца, и съ видомъ неудачно таинственнымъ началъ его спрашивать, не лзя ли будетъ надѣяться увидѣть ее въ той прекрасной галлерей, въ коей превосходнѣйшія головы работы Рафаэля или Доминикена не могутъ быть сравнены съ ея головкою. Сіе потчасъ подало поводъ Мажордому заключить, что въ семъ случаѣ гораздо менѣе дѣло шло о покупкѣ картинъ, чѣмъ о предпріятіи любовномъ. Онъ наморщилъ брови, и Георгъ, по его виду, заключилъ, что надѣлалъ глупостей слишкомъ поспѣшными распросами. Но умягчаясь постепенно, Стефано старался узнать, въ какое время Лордъ Сиднамъ видѣлъ Валерію. Потомъ на-

чались между ними взаимные распросы о ихъ господахъ. Стефано узналъ изъ оныхъ все, что ему было нужно, а Георгъ думалъ, что онъ уже довольно знаетъ для сообщенія своему господину, п. е. что Синьора Валерія столь же была интересна, сколько и прекрасна, и что сближеніе времени ея посприженія приводило въ опчаяніе стараго слугу, бывшаго свидѣтелемъ ея рожденія.

Оплакивая такимъ образомъ участь своей молодой Госпожи, Стефано далъ замѣпить, что онъ охотно согласился помогать всѣми средствами, могущими быть употребленными для избавленія ея отъ вѣчнаго започенія. Сія размышленія придали смѣлости Едвину, и не признаваясь самому себѣ въ чувствуемой имъ надеждѣ, онъ полагалъ слѣдовавъ чувству сожалѣнія;

въ ту минуту, когда находясь передъ портретомъ, который признавали Валеріинымъ, онъ вскричалъ: » Какая жалость, что столько прелестей хощають похитить у людей, умѣющихъ обожать и чувствовать! Какое счастье обѣщаетъ сей взоръ, сія восхищительная красота, тому, кого бы она удостоила любви своей! «

Глубокій вздохъ былъ единственнымъ отвѣтомъ Стефано на сіе восклицаніе.

— Развѣ отецъ ея неумолимъ? прибавилъ Едвинъ.

— Онъ полагаетъ, что сей родъ жизни всего болѣе приличенъ его дочери.

— Но если бы кто нибудь представился? . . . Въ сію минуту Джордъ

былъ прерванъ шумомъ, мгновенно раздавшемся надъ галлереею. Сей шумъ, сходствующій съ ускоренными шагами, заставилъ пренетапъ Стефано; онъ побѣжалъ потчасъ къ двери, давая знакъ Едвину, чшобъ онъ его подождаль, и исчезъ.

Лордъ Сиднамъ приписываль сей нечаянный шумъ прибытію господина дома и спраху, который испытываль Стефано, чшобъ не подвергнуться гнѣву Герцога за дозволеніе иносстранцу войдши во дворець. Досадуя на себя, чшо могъ быль причиною непріятностей старому слугѣ, онъ рѣшился уйдши прежде, нежели онъ возвратишся, предославляя себѣ переслапъ къ нему вечеромъ черезъ Георга плапу за его снисхожденіе.

Георгъ возвратился и принесъ пы-

сячу извиненій и благодарностей со стороны Мажордома. » Сипарый Георгъ не прѣзжалъ, какъ полагалъ Милордъ, « сказалъ Георгъ. » Шумъ, который принудилъ его споль поспѣшно васъ оставивъ, происходилъ изъ Валеріинной комнаты: молодая барышня вдругъ почувствовала себя очень дурно, и ея старая няня звала на помощь такимъ голосомъ, что можно было полагать что ихъ обѣихъ рѣжутъ. «

— Она больна? воскрикнулъ Едвинъ; и Стефано не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова? Безъ сомнѣнія, онъ не смѣетъ говорить о тѣхъ мученіяхъ, которыя ей причиняетъ жестокій приговоръ, противъ нее произнесенный. Семнадцати лѣтъ, прекрасная и чувствительная, рожденная подъ небомъ дышущимъ любовью, воспитанная во дворцѣ, въ коемъ не могла сдѣлать шагу

чтобъ не встрѣтитъ или мраморной группы, или картины вдохновенной любви, и ей воспрещаютъ, какъ преступленіе, тѣ нѣжныя чувства, которыми вливаютъ въ нее сіи восхищительныя изображенія; называютъ безбожными чувства, самимъ небомъ вліянные въ ея душу, живую осуждаютъ ее на вѣчную муку! Не значить ли это убивать ее безпощадно? Но щеславіе пребудетъ и она должна погибнуть! « Едвинъ произнесъ сіи послѣднія слова съ изступленіемъ, заставившемъ Георга трепетать.

— Ахъ, Милордъ! не говорите этого бѣдному Стефано: онъ впадетъ въ отчаяніе, потому что не оставитъ принять подобное пророчество за голосъ самаго неба, и это будетъ весьма неправильно, огорчатъ напередъ стараго слугу зрѣлищемъ несчастья,

опъ котораго онъ сполько желаетъ избавить свою молодую госпожу. Еслибъ вы знали, какъ онъ говоритъ объ ней, сколько онъ преданъ ей!... Еслибъ вы видѣли, какъ онъ сей часъ мнѣ рассказывалъ, со слезами на глазахъ, сколько онъ страдаетъ видя ее погибающею опъ необходимости быть принужденною подвергнуться всеѣмъ тягостямъ монастырской жизни, на которую скоро будетъ обречена,—вы бы были пронуты!

— Это отличнѣйшій слуга, сказалъ шихимъ голосомъ Едвинъ; онъ своими чувствами дѣлаетъ спыдъ безчувственному своему господину. Скажи ему, что я завтра опять приду въ галерею.

— Не знаю, можетъ ли онъ принять васъ, Милордъ, сказалъ трепетнымъ голосомъ Георгъ.

— Кшождь ему мѣшаептъ? спросилъ Лордъ съ живоспію.

— Кажепся посѣщеніе ваше, Милордъ, было причиною, что дѣвица Фіорамонте сдѣлалась больна нынѣшнимъ упромъ, и Стефано опасается....

— Какъ это возможно? Она меня не знаетъ!

— О, конечно. Она знаетъ васъ, Милордъ, за того человекъ, которъй часто на нее смотритъ съ своей перрасы, и хопя она не знаетъ вашего имени и никогда объ васъ не слыжала, но Стефано боится, чпобъ она не заключила чего нибудь особеннаго изъ вашего спремленія слѣдитъ за нею взорами, когда она прогуливаепся по перрасѣ. Хопя онъ ничего не говорилъ положительнаго на сей предметъ, но я, кажепся, угадалъ его мысли.

— И такъ ее не пускають болѣе пользоваться воздухомъ попому только, что одинъ сосѣдъ увидѣлъ ее изъ своего окна.

— Совсѣмъ напропивъ, попому что я знаю, что Стефано приказалъ сегодня вечеромъ принести для нее разныя закуски въ бесѣдку, гдѣ ппичникъ; но совсѣмъ другое дѣло, видѣть ее издали или случайно встрѣтитесь въ галлерей и разговаривать.

— Чпожъ шупъ за бѣда, еслибъ ей сказали нѣсколько словъ?

— Нѣтъ, Милордъ не долженъ сердиться на спараго Стефано за то, что онъ избавляетъ прекрасную Валерію отъ свиданія, которое не можетъ быть для нее безъ опасности. Говорятъ, что женщина, столь строго содержимая, сходитъ съ ума о первой марпышкѣ, которую увидитъ; судите,

сохранишь ли она свой разсудокъ
вспрѣтивши первѣйшаго красавца въ
цѣлой Англіи?

Едвинъ улыбнулся, какъ будто услы-
шавъ самое глупѣйшее замѣчаніе; по-
томъ приказалъ Георгу сказать Сиру
Ричарду, что не поѣдетъ съ нимъ
прогуливаться въ шляпкѣ, какъ они
согласились.

Два часа спустя ппичникъ освѣ-
пился; раздались звуки арфы, но на-
сей разъ онымъ впорилъ голосъ пи-
хой и нѣжный, который пѣлъ спан-
сы Метаспазія, положенные на музы-
ку Россини. Смятеніе, произведенное въ
душѣ Едвина сими звуками, не оста-
вило для него сомнѣній, чтообъ это не
былъ голосъ Валеріи. Ему казалось,
что въ словахъ спансовъ, иногда до-
стигавшихъ его слуха, выражается
жалоба сердца, которое любитъ;

онъ увѣрился, что сіе сердце его умоляетъ, что одно его слово можетъ измѣнить участь существа, обреченнаго на несчастіе, на рабство; и въ своемъ великодушномъ испуленіи онъ написалъ нѣсколько словъ на листочкѣ, изъ своей записной книжки вынулъ, и самъ себѣ далъ слово поручить сію записку Стефано, для доставленія къ его госпожѣ.

Едвинъ уже находился болѣе мѣсяца въ Неаполѣ, какъ вдругъ Сиръ Ричардъ получилъ письмо, пребывавшее его немедленнаго возврата въ Лондонъ. Онъ надѣялся, что его другъ, уже поправившійся въ своемъ здоровьи, безпрепятственно согласится возвратиться въ отечество, въ которомъ друзья, большое богатство и всѣ выгоды блестящаго положенія, обѣщали ему наипріятнѣйшую жизнь.

— Мнѣ оставишь Италію! сказалъ Эдвинъ. Ахъ, мой другъ! не пребуише эшаго опъ меня: эшо значишь, что я снова пойду на встрѣчу горестямъ.

Печаль, помрачившая лице Эдвина при одномъ воображеніи увидѣть снова мѣста, споль для него горестныя, воспрепятствовала его другу настаивать въ просьбѣ ему сопутствовать. Припомъ же его желанія всегда имѣли основаніемъ выгоды другаго, и хотя ему особенно полезень бы былъ опъѣздъ его друга, онъ согласился, что Неапольскій климатъ былъ необходимъ для совершеннаго выздоровленія Эдвина, и обѣщаль за нимъ прѣхатъ, какъ скоро окончишь дѣла свои.

Если бы Ричардъ не уѣхаль съ такою поспѣшностію, Эдвинъ безъ сомнѣнія сообщилъ бы ему прелестъ

имъ чувствуюемою въ таинственномъ сношеніи съ тою, которую называлъ онъ своимъ Ангеломъ - спасителемъ, потому что письмо, врученное посредствомъ Стефано, послѣ многократныхъ просьбъ и увѣреній въ благородствѣ намереній, произвело то дѣйствіе, котораго Едвинъ не смѣлъ и надѣяться. Это была любовь; онъ не могъ въ томъ сомнѣваться по тому смятенію, каковое чувствовалъ при появленіи Валеріи, особенно когда, распознавая чепры ея сквозь покрывало, висящее до груди, узналъ и пошъ букетъ цвѣтовъ, который послалъ ей въ пошъ же вечеръ. Однако Валерія отвѣчала двумя словами Едвину, которыя могли бы у него опнять всю надежду, если бы слова могли имѣть какую либо силу противъ дѣйствія взора, въ коемъ каждое прелестное

движеніе означало уже признаніе. Ея участь опредѣлена невозвратимо, писала она къ нему, и она просила Едвина не отнимать у ней силы оной подвергнуться. Сколько прелестнаго въ сей просьбѣ! и какое счастье оную не исполнить!

Сія переписка продолжалась нѣсколько недѣль сряду, и Лордъ Сиднамъ, возвращенный къ прелестямъ жизни надеждою быть любимымъ, не колебался посвятить себя совершенно для счастья Валеріи; онъ призвалъ къ себѣ Стефано, чтобъ узнать отъ него, согласится ли его господинъ выдать дочь свою за первѣйшаго дворянина Англіи?

— Я ни мало не сомнѣваюсь, Милордъ, отвѣчалъ Стефано, что Герцогъ, мой господинъ, внутренно предпочитаетъ

видѣть свою дочь замужемъ, нежели въ монастырѣ; но я знаю его надменность: оная никогда не допуститъ принять предложеніе особы вышняго класса, который возьметъ его дочь безъ приданого. Это униженіе такого рода, на которое онъ никакъ не согласится. Онъ скорѣе проститъ тому, кто похищитъ его дочь, нежели тому великодушному человѣку, который женится на ней изъ жалости.

— Постыдная гордость! вскричалъ Лордъ Сиднамъ, и я поперплю, чтобъ Валерія была жертвою оной! Пусть, если она согласится, я ее избавлю отъ столькихъ жестокостей. Пусть она только вѣрится моей честности, я спасу ее навсегда отъ тиранизма.

— Небо, вѣроятно, благословитъ

васъ за таковое дѣйствіе, отвѣчалъ Стефано; а прощенія Герцога не долго будетъ ожидать, потому что, не смотря на его поступки, онъ имѣетъ добрую душу; и если увидитъ свою дочь пользующуюся вновь всѣми правами породы, для наслажденія коими она родилась, онъ будетъ счастливейшій изъ людей... Но какъ бытъ увѣреннымъ, что послѣ подобнаго поступка....

— Развѣ вы сомнѣваетесь въ моемъ словѣ? подхватилъ Сиднамъ съ чувствомъ благороднаго негодованія.

Конечно нѣтъ, Милордъ; но вы едва знаете несчастную Валерію; вамъ только извѣстно, что она прекрасна и несчастлива....

— Эпаго довольно, чтобъ жизнь моя была посвящена ей, возразилъ Едвинъ

съ сильнымъ жаромъ; но эшаго не довольно, чшобъ располагать ею и согласить ея на поступокъ, которьй только одна любовь извинить можеть. Если бы она вполонину чувствовала ко мнѣ то, что я къ ней чувствую, я не колебался бы ни минушы рѣшиться на все, чшобъ получить ея руку; но знаю ли я, что ея сердце моему отвѣчаетъ, и могу ли просить ее увѣнчать мое счастье, не зная, желаетъ ли сего ея любовь ко мнѣ!

— Вы это очечь хорошо знаете, Милордъ, и не это препятствие меня удерживаетъ, но послѣдствія подобнаго поступка меня пугаютъ. Я имѣю нужду хорошенько подумать... Если въ жару преступнаго усердія я навлеку себѣ укоры...

— Не бойся ничего со стороны тво-

его Господина: я тебя увезу съ собою; твоя будущая участь будетъ обезпечена; и ты возвратишься сюда въ то время, когда пройдетъ гнѣвъ Герцога.

— Но вы не знаете, Милордъ, до какой степени я буду.... И Стефано, блѣднѣя отъ страха, не смѣлъ продолжать.

— Успокойся, возразилъ Едвинъ: я одинъ буду виновенъ; тебя принудили; ты обвинишь во всемъ меня. Пусть Валерія только довѣритъ себя моей честности, и я тебя увѣряю, что ты не будешь раскаяваться вручивъ ее объятіямъ мужа, который будетъ защищать ее противъ отца.

Стефано, побѣжденный наконецъ столь высокимъ великодушіемъ, обѣщавъ употребить все свое вліяніе надъ умомъ синьоры Хриспины, няни Валеріиной, чпобъ убѣдить ее содѣй-

спововаць благородному желанію Лорда Сиднама и поговорить о томъ своей Госпожѣ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Едвинъ минуты видѣться съ Валерією, и какъ билось его сердце, видя открывающимися спавни оконъ, дающихъ видъ на пшпичникъ! Но какое грустное впечатлѣніе замѣнило въ ту же мину-ту ожиданіе надежды! Валерія была одѣпа въ траурное платье; вмѣсто воздушнаго покрывала, на головѣ лежалъ черныи крепъ, и вся ея поступь показывала печаль.

Сей трауръ не могъ бытъ иначе, какъ знакомъ опчаянія, опвѣтомъ на желанія Едвина. Если бы умеръ кто либо изъ родственниковъ Валеріи, Стефано, сообщавшій ему всѣ подробности о происходившемъ во дворцѣ Фіорамонте, вѣроятно не упустилъ бы

его о семъ извѣспипь. Едвинъ даже не хопѣлъ обманывать себя мечтами. » Она надѣла сей прауръ, « думаль онъ, » чшобъ объявить мнѣ, что она уже умерла для свѣта; но я даю клятву испоргнуть у могилы, гошовой ее поглотипь. « И предавшись всему спре- мленію сильнѣйшей страсти, раздра- женной прешапспвіями, онъ выдумывалъ самые сумазбродные планы.

Съ разсвѣтомъ дня онъ побѣжалъ во дворець Фіорамонте, и пребывалъ говорить съ Стефано. Напрасно его увѣрjali, что Мажордомъ еще не вста- валъ: онъ пребуепъ, чшобъ его раз- будили, и его первое слово, увидѣвши старика, была угроза. Онъ отгадалъ, что письмо спараго Герцога повелѣ- вало Валеріи посиричься, что на зав- тра она должна оставипь родинель- скій домъ, и онъ рѣшился всѣми си-

лами проотивишься сему жестокому пожертвованію.

Стефано, испуганный гнѣвомъ Лорда Сиднамъ, далъ ему замѣтить, что пронутая его благородными чувствами, Валерія соглашается безбоязненно вѣрить себя его покровительству; наконецъ не говоря положительно, онъ далъ ему замѣтить, что онъ любимъ. Тутъ, перешедъ опъ одной степени изступленія къ другой, Едвинъ, доселѣ ощущавшій бѣшенство, теперь испытываетъ всѣ восторги сильнѣйшей радости; всѣ препятствія исчезли. При наступленіи ночи, Стефано воспользуется той минутою, когда всѣ люди въ домѣ заснутъ, чпобъ выдти изъ дворца Фіорамонте и проводитъ Валерію до кареты, которая будетъ поставлена невдалекѣ опъ *вилла Реаль*; Синьора Христина будетъ сопрово-

вать молодой Госпожѣ своей, всѣ вмѣстѣ отправаляясь въ *Моли ди Гаета*; Стефано предупредилъ священника монастыря *Сен-Бернардо*, и вечеромъ того же дня Едвинъ и Валерія будутъ соединены въ подземельной часовнѣ монастыря.

Стефано получилъ сумму, болѣе нежели доспапачную для издержекъ дороги и для платы за храненіе тайны. Одно оставалось еще неизвѣстнымъ: это согласіе Валеріи. Ежели Стефано получитъ ея согласіе, то долженъ уведомить знакомъ Едвина. Расположивши все, сей послѣдній не хочетъ болѣе ни о чемъ слышать. Сколько-то онъ боится опсрочки своего счастья!

День прошелъ въ безпокойствѣ неописанномъ, попому что несогласіе Валеріи могло сдѣлать бесполезными

всѣ сія приготоовленія, съ такою гайною и усердіемъ производимыя.

Но она являеися наконецъ между колоннами красиваго портика при входѣ въ ппичникъ. Стефано съ нею; онъ поддерживаесть ея колеблющіяся шаги. Она сбросила съ себя прауръ, и одѣта въ шомъ же самомъ плапъѣ, въ копоромъ, какъ благодѣтельный призракъ, явилась въ первый разъ Едвину. Не смотря на надежду, обѣщаемую симъ превращеніемъ, онъ не смѣесть еще ласкать себя утѣшительною мыслію. Неподвижно, вперяя взоры на Валерію, онъ слѣдуесть за каждымъ ея движеніемъ. Въ испуленіи своего неперпѣнія, онъ чувспивуесть, что го говъ упассть въ обморокъ, сердце его бѣепися сильно. Въ сію минуцу рука Валеріи приподнимаесть медленно бѣлое покрывало, лежавшее на прекрасныхъ

ея локонахъ. Она оспаеися въ нервѣ-
шимости, обращается къ Стефано,
спрашиваетъ его глазами и пошюмъ,
склоняясь на балконъ, бросаетъ свое
покрывало на террасу, на кошпорой
Едвинъ принимаетъ оное, стоя на ко-
лѣняхъ.

Это былъ условный знакъ. Едва
Лордъ Сиднамъ получилъ увѣреніе, что
Валерія соглашается ему принадле-
жать, какъ въ поже мгновение бѣжипъ
распоряжаются опъѣздомъ. Уже лошади
впряжены въ карету, долженствующую
опвезти Валерію и ея няню въ *Гаега*;
Стефано будетъ имъ сопутствовать,
Георгъ и еще двое слугъ Лорда Сид-
нама будутъ ихъ провожающими, и сча-
сливый Едвинъ, увѣрившись въ ихъ
опъѣздѣ, сядетъ на лошадь, чпобъ ихъ
опередитъ.

Необыкновенный жаръ не позволялъ

погда ѣхайць въ тѣ часы дня, когда солнце сильно нагрѣваеть землю своими лучами; и боясь показаться подозрительнымъ, Стефано рѣшился остановиться въ Капуѣ. Валерія была принята трактирщицею съ тѣмъ предупредительнымъ угожденіемъ, съ копорымъ обыкновенно встрѣчаютъ богатыхъ путешественниковъ, и въ минуу разнеслось по всему дому извѣстіе, что у нихъ остановилась Милада Сиднамъ. Стефано полагалъ, чтобъ подъ покровительствомъ означеннаго имени, которое она будетъ имѣть въ томъ же вечеръ, Валерія легче избѣгнетъ преслѣдованій, которыя послѣ ихъ отъѣзда, вѣроятно, будутъ производимы во дворцѣ Фіорамонте.

Пробило десять часовъ, и достигнувъ уже вершины горы, возвышающейся близъ *Гаеты*, Лордъ Сиднамъ,

препеща отъ неперпѣнія и радости, прислушивался, не различилъ ли ударовъ бича или спуска колесъ отъ кареты, долженствовавшихъ возвѣспитъ ему прїездъ Валеріи; но только шумъ волнъ, плескавшихся на берегъ, крики погонщиковъ муловъ и пѣсни рыбаковъ, собиравшихъ свои сѣти, нарушали спокойное величіе прекрасной ночи. Сидя на пнѣ зеленѣющагося дуба, недавно сломленнаго бурей, Едвинъ разсмапривалъ попеременно пристань, аркады *Гаеты* осребряемая луною и освѣщенныя рѣшетчатыя окна часовни, гдѣ двадцать зажженныхъ свѣчъ показывали, что совершается обрядъ религіозный. Тѣ, которые испытывали впечатлѣніе, производимое красою напурь, соединенное съ священнымъ великолѣпіемъ, съ таинственнымъ безпокойствомъ любви, одни могутъ во-

образить изступленіе чувствъ, наполнившихъ душу Едвина въ продолженіи долгаго ожиданія своей Валеріи.

Наконецъ стали слышны приближающіеся голоса, и Георгъ прибѣжалъ запыхавшись извѣстить Лорда, что Валерія и Христиана, оставивши карету подъ горою, всходятъ по пропинкѣ, ведущей къ часовнѣ, и что онъ ихъ сей часъ увидитъ. При сихъ словахъ Едвинъ бросается къ той пропинкѣ; на коей долженъ встрѣтить Валерію; но Георгъ его удерживаетъ: ему поручено отъ Стефано упрашивать Лорда Сиднамъ не показываться Валеріи ранѣе входа въ часовню и не говорить съ нею ни слова прежде произнесенія клятвы, долженствовавшей на вѣки соединить ихъ.

Сколько таковая просьба не каза-

лась спранныю для Едвина, но онъ согласился на все, чего опъ него требовали; столь сильная недовѣрчивость не могла происходить ни опъ кого болѣе, какъ опъ спараго Мажордома, и Сиднамъ въ сей излишней предоспорожності видѣль только новое доказательство усердія спараго слуги къ своей госпожѣ.

Зазвонили въ колокола, означая шѣмъ начатіе божественной службы; обѣ половинки дверей часовни отворились, и Стефано, ведя за руку женщину подѣ покрываломъ, приблизился къ Едвину. »Вотъ она,« сказалъ онъ задыхающимся голосомъ. »Пожалѣйте ея смущеніе: она вся дрожитъ; подведите ея къ алтарю.... и общайтесь бытъ ея покровицею проптивъ несчастія, которое... «

— Я клянусь сдѣлаться достойнымъ пожертвованія, ею для меня сдѣланнаго! прервалъ съ жаромъ Едвинъ. Вся жизнь моя будетъ посвящена для уплаты цѣны сего мгновенія.—При сихъ словахъ, взявши за руку Валерію, онъ подвелъ ее къ налою, близь котораго Священникъ уже ожидалъ ихъ. По окончаніи первой молитвы, причетникъ сказалъ Синьоръ Христинъ, что надобно попросить Валерію поднять покрывало; тогда Христина, наклонясь къ невѣстѣ, помогла ей сіе исполнить. Ожидая съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ сей минуты, Едвинъ былъ сполна сильно пораженъ благородствомъ и пріятностію лица Валеріи, которая ему долженствовала принадлежать, что едва, изъ почтенія къ святому храму, могъ воздержаться отъ громкаго изъявленія восторга. Но вскорѣ

съ симъ сладостнымъ чувствомъ смѣшалось чувство ужаса, видя смертную блѣдность, покрывающую прелестныя черты Валеріи, и томность во взоръ ея замѣтно происходила не отъ заспѣнчивости, но отъ печали и спраданія.

При всемъ томъ обворожительная улыбка была отвѣтомъ пламенному взору, устремленному на нее Едвиномъ, въ ту минуту, когда Священникъ поржеспивеннымъ голосомъ спросилъ ее, согласна ли она выдти за Лорда Сиднамъ? Но едва она произнесла необходимое *да*, какъ въ то же мгновение зашаталась и упала безчувствъ къ подножію алтаря. Испуганный Едвинъ спѣшишь поднялъ ее и видишь, что она плаваецъ въ крови своей. » Она ранена! она умираецъ!« кричалъ Едвинъ. » Стефано! Стефано!... « и Мажордомъ щептно хочеть успокоить его бѣ-

шенство. Едвинъ, пораженный ужасною мыслию, что Валерія поражена смертельно, разрывалъ платье на ея груди и искалъ раны. » Чудовищи! они ее зарѣзали! Горе подлецамъ, совершившимъ сіе ужасное злодѣяніе! горе сообщникамъ отца - изверга! « Опчаяніе, бѣшенство не позволяли Едвину слышать словъ Стефано, который тщетно спарается его успокоить, повторяя ему многократно, что Валеріи наканунѣ пускали кровь, что перевязки на рукѣ спали, рана открылась и что сіе происшествіе не имѣетъ другой причины. Не могли успѣть въ томъ, чтобъ принудить себя выслушать, онъ схватываетъ руку Валеріи, сжимаетъ рану и кровь перестаетъ течь; но Валерія все еще оспаивалась въ состояніи опасной безчувственности. Едвинъ, съ большимъ

прудомъ уступая увѣреніямъ Стефано, помогаетъ ему перенести Валерію въ *Мола ди Гаета*, въ топъ домъ, который былъ уже для нее приготовленъ. Они проходятъ черезъ комнаты, убранныя цвѣтами, блистательно освѣщенныя, видятъ накрытый столъ близъ террасы, возвышающейся надъ моремъ и озѣненный померанцовыми деревьями. Во всемъ замѣтно приготовленіе къ пиршеству, не такому, каковое шщеславіе даетъ полтъ любопытныхъ, не для того чпобъ доставить оной удовольствіе, а болѣе для того, чпобъ помрачить; но къ пиршеству дружескому, при коемъ щеголеватость и вкусъ присоединяютъ наслажденіе взора ко всѣмъ наслажденіямъ сердца. Сколько сія прелестная картина усугубляетъ печаль Едвина! Онъ видитъ на брачномъ ложѣ — умирающую Валерію!

Стефано увѣрялъ однако, что нѣсколько часовъ спокойствія доставочны будутъ къ возвращенію ей прежняго здоровья; Докторъ пускалъ ей кровь по причинѣ неважной только болѣзни, жизнь ея не въ опасности. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минулъ Валерія открыла глаза и произнесла нѣсколько словъ, но голосомъ столь слабымъ, что Едвинъ не могъ ихъ разслушать; сіе не воспрепятствовало ему однако отвѣщать на оныя нѣжнѣйшими именами, покрывая ея руку поцѣлуями.

Лордъ Сиднамъ хотѣлъ послать наскоро Георга въ Неаполь за Медикомъ; но Стефано увѣрилъ его, что это будетъ напрасный трудъ, и что онъ знаетъ, что его госпожа на другой день будетъ въ состояніи продолжать путь, если согласится только

увѣришь ее попеченіямъ Христинны и его, и избавяшь ее отъ сильныхъ ощущеній.

Щеки Валеріи постепенно начали покрываться румянцемъ, дыханіе спавшилось свободнѣе и все предвѣщало, что спокойный сонъ началъ оживлять ея силы. Едвинъ согласился на просьбу Стефано и удалился въ смежную комнату съ спальней Валеріи, чтобы быть въ состояніи поспѣшить же поспѣшить на помощь, если будетъ нужно.

Ночь прошла спокойно, и Стефано поспѣшилъ увѣришь Лорда Сиднамъ, что *Милади* скоро будетъ въ состояніи его принять. Но всякій разъ, когда Едвинъ приближался къ дверямъ спальни, Христина просила подождать еще не много. Наконецъ наступилъ часъ обѣда, и Стефано предложилъ

Лорду выдти на террасу, гдѣ былъ приготовленъ уже обѣдъ, присовокупя къ тому, что Валерія его ожидаетъ. Восхищенный сею новостію, Едвинъ побѣжалъ къ померанцовымъ деревьямъ. Онъ примыпилъ Валерію сидящую за столомъ, покрытымъ цвѣтами и плодами; и оспановливается на минупу, чпобъ полюбоваться симъ прелестнымъ лицомъ, на коемъ самый живыи румянецъ замѣнилъ смертную блѣдность. Услышавъ шумъ его походки, Валерія обернулась и дала ему знакъ приблизиться. Въ ея улыбкѣ сполько было обворожительнаго въ ея взорѣ, сполько нѣжности, что Едвинъ, видя ее соотвѣспвующею его ожиданіямъ, внуспренно проклиналъ присупспвіе людей, мѣшавшихъ ему прижать ее къ своему сердцу. » Правда ли это, « сказалъ онъ вперяя на нее

взоръ, оживленный надеждою, »что вы себя уже не чувствуете нездоровою, и что завтра мы можемъ отправиться въ Альбано?...«

— Даже нынче вечеромъ, прервалъ Стефано, если Милорду это угодно. — Да, нынче вечеромъ, повпорила Валерія, смотря съ робосіію на Стефано. — Какъ прикажете, отвѣчалъ Едвинъ, оставивъ съ неудовольствіемъ руку Валеріи, и сѣлъ на другомъ концѣ стола.

Тогда начали подавать кушанье, и Стефано съ Христиною удалились.

Едвинъ хранилъ молчаніе, погруженный въ печальныя размышленія; но стараясь превозмочь непріятное впечатлѣніе, однимъ словомъ на него произведенное, подіялъ глаза и увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи Сте-

Фано и Христину, дѣлающихъ другъ другу знаки, показывая на Валерію, которой взоры, при видѣ барки, удаляющейся изъ порта, спрашно воспламенялись какимъ-то дикимъ огнемъ. Раздирающій душу вопль вырвался изъ груди ея; она поднимаетъ руки къ морю и хочетъ въ оное броситься. Едвинъ стремился ее удерживать, но вся его сила едва достапочно воспрепятствовать движеніямъ Валеріи.

»Подлый убійца!« вскричала она съ бѣшенствомъ; »ты хочешь ее у меня вновь похитить? Развѣ не довольно, что ты ее живую утопилъ въ морѣ? Ты хочешь помѣшать мнѣ послѣдовать за ея спасителемъ, но ты не будешь имѣть сей радости, негодный!... Вопъ.... вопъ тебѣ.... умри также.... « и схватя со стола ножъ, она поразила имъ Едвина, прежде не-

жели Стефано и Христина успѣли вырвать его у ней изъ рукъ.

Христина наполняетъ весь домъ ужаснымъ крикомъ; всѣ люди цѣлаго дома сбѣгаются, и наконецъ успѣваютъ связать Валерію. Не смотря на силу, придаваемую ей припадкомъ бѣшенства, уносятъ ее дальше отъ моря, потому что видъ волнъ, казалось, умножаетъ ея изступленіе. Въ продолженіи сего времени, пренеся отъ страха и гнѣва, Георгъ перевязывалъ рану своего господина, и Стефано, стоя на колѣнахъ передъ умирающимъ Едвиномъ, рыдая, умолялъ не проклиная его.

—Опмсните мнѣ, говорилъ онъ съ отчаяніемъ, опмсните мнѣ, обнаружьте пагубное усердіе, заставившее меня васъ обмануть, въ надеждѣ, что любовь и счастье возвращаютъ ей

разсудокъ, потому что она помѣшалась опть опчаянiя.

— Что говоришь ты, несчастный? Она была сумасшедшая! вскричалъ Георгъ.

— Ахъ! ваша правда. Съ того дня, когда она видѣла свою сестру погибшую во время кораблекрушенiя, я долженъ былъ предвидѣть, что видъ моря возвратитъ ей бѣшенство со всѣми его ужасами. Накажите меня, повторяю вамъ: я достоинъ смерти; но оказывая надо мною правосудiе, не проклинайте стараго слугу, который, изъ привязанности къ своимъ господамъ, изъ сожалѣнiя къ бѣдной сумасшедшей, дозволилъ себѣ увлечься сими чувствами даже до злодѣянiя.

— Да... опвѣчалъ Лордъ Сиднамъ угасающимъ голосомъ, я тебя прощаю.... если умру!

СОНАТА.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА.

Въ Швабїи, близъ Розенфельдской хижины, виднѣются въ разсѣлищѣ холмовъ, прилегающихъ къ тѣмъ высокимъ горамъ, на коихъ возвышаются феодальныя развалины древней Германїи,—два небольшіе домика. Они привлекаютъ взоры путешественника потому, что будучи бѣлыми, блестятъ при восхожденїи солнца, отражая его

первые лучи. Когда я проѣзжалъ Германію съ безпечностію молодого юноши, я оспановился въ прекрасной Розенфельдской долинь.

Сіи два домика съ красною черепичною кровлею, зелеными ставнями, узкими дверями; вершины фруктовыхъ деревьевъ, выказывающихъ свою зелень на скапъ холмовъ; гопическій куполь бѣдно-выстроенной колокольни; деревяня и большая аллея листвяницъ, ведущая на холмъ, на которомъ нѣсколько камней, нѣсколько крестовъ и нѣсколько кустарниковъ показываютъ сельское кладбище,—все сіе напомнило миѣ и пворца *Емilia* съ жилищемъ его мечпаній, и сіи пихія и священныя страны, возбудившія вдохновеніе *Гёте* и *Виланда*. Вдругъ услышалъ я шаги людей, идущихъ по пропинкѣ; они пѣли идучи. Голоса, мною слы-

шанные, не произносили веселыхъ звуковъ; но гармонія была простая и важная, и ни одинъ голосъ не былъ непріятнымъ. Слова пѣсни были слѣдующія: » *счастіе обитаетъ подъ кровлею челоуѣка свободнаго и благотворительнаго; работа и доброе дѣло служатъ лучшею приправою ужина, и смерть есть только сонъ.* « И сіе выраженіе старинной народной баллады разносилось въ воздухѣ гармоническими звуками.

Я подошелъ къ тѣмъ двумъ домикамъ: они были пусты. Вечеромъ, когда въ трактирѣ *Чернаго Ангела* въ *Розенфельдѣ, Келлеръ* поспавилъ на мой сполъ бутылку Рейнскаго вина, и между тѣмъ, какъ мой хозяинъ *mein herr braunberg* помогаль мнѣ въ одно время опорожнить мою бутылку и карпузь кнасперу, коимъ наполниль онъ

огромную трубку, сдѣланную изъ корня вяза съ чудесной вырѣзкой, изображающей Турецкую голову въ чалмѣ, съ бородою и усами весьма длинными, я просилъ миленькую *Лисхенъ*, прислуживавшую намъ во время спола, разсказать мнѣ, почему помянутые два домика совершенно оспавлены.

Дѣвушка сія подошла къ намъ, не робѣя облаковъ голубоваатаго дыма, копорымъ мы наполняли комнату *Чернаго Ангела*, узкую, съ низкимъ пополкомъ и съ деревянными рѣзными по чернѣвшими украшеніями.

— Съ годъ тому назадъ, сказала она, два семейства жили въ долинь. Одно было Г-на Ланггана, копорый, послѣ смерти своей жены успупись засѣку, копорую имѣлъ, въ Розенфельдѣ, и удалился на долину съ своимъ сыномъ Карломъ; другое Г-на Спамлера,

прежняго пастора нашей деревни: онъ занималъ съ своею дочерью Матильдою потъ домикъ, который ближе къ Розенфельду.

— Говорять, что Карлъ и Матильда любили другъ друга взаимно... Тупъ Г. Браунбергъ сдѣлалъ ужасную гримасу и послѣ было замѣтно, что онъ хотѣлъ принудить себя разсмѣяться. Онъ прервалъ разсказъ и продолжалъ уже оный голосомъ не такъ пріятнымъ, какъ у *Лисхенъ*.

— Да, они любили другъ друга съ дѣтства, сіи любезныя дѣти; я видѣлъ ихъ крещеніе въ святомъ храмѣ Господнемъ, въ одинъ и потъ же день, поту назадъ девятнадцать лѣтъ. Опець Дангганъ мнѣ часто говаривалъ, съ перваго года послѣ ихъ рожденія, что ихъ родственники назначили соединить оныхъ одинъ съ другимъ.

Дѣти учились вмѣстѣ у стараго Снамлера, который любилъ ихъ съ одинаковою горячностію, какъ будто они были его дѣти. Они были такъ прекрасны! Если бы вы видѣли ихъ, сударь, проходящихъ въ Воскресенье къ обѣднѣ въ Розенфельдъ! Я никогда не упускалъ случая ихъ перецѣловать.... (Тупъ бѣдный Браунбергъ заплакалъ).... Лисхенъ.... добрая моя Лисхенъ! Расскажи барину, что онъ хочеть.... я никогда не могу эшаго.... Бѣдныя дѣти!

И самымъ нѣжнымъ голосомъ Лисхенъ продолжала рассказывать.

» Да, они любили другъ друга; я это знала очень хорошо, но не смѣла говорить. Въ танцахъ они не оставляли другъ друга и въ ихъ движеніяхъ было такое согласіе, что когда они вальсировали вмѣстѣ, то можно было ска-

запѣ, что одинъ человѣкъ кружился въ тактѣ. Да, сударь! всякій вечеръ въ долину оба семейства собирались вмѣстѣ, и прежде молитвы Матильда брала арфу, Карлъ — флейту, и оба вмѣстѣ играли любимыя аріи своихъ опцевъ. Я иногда бывала на сихъ маленькихъ концертахъ; иногда мы пѣли Тирольскую на три голоса и прекрасныя Вѣнскіе романсы. О! какъ хорошо мы согласовались, а старики радостно били тактѣ! Часто они просили сыграть имъ давно забытые вальсы, которыхъ голосъ напѣвали; тогда они улыбались, какъ во дни своей юности. Какъ были всѣ тогда счастливы въ долину!

» Два года тому назадъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, при наступленіи весны, помолвили Карла и Матильду.

» Однимъ вечеромъ, въ слѣдующемъ

Сентябрь мѣсяцъ, былъ необыкновенно сильный дождикъ, три дни безпрестанно гроза свирѣпствовала въ долину, въперъ, громъ, молнія, шумъ воды, низвергавшейся съ горъ потоками, разпространяли безпокойство и смятеніе. Одинъ путешественникъ поступался у дома отца Матильдина: оба семейства были тогда въ ономъ вмѣстѣ. Поспѣшили отворить дверь. Путешественникъ просилъ ночлега: будучи кушомъ и имѣя съ собою значительную сумму денегъ, онъ боялся идти далѣе. Его приняли. Это былъ человекъ высокаго роста и видный собою; черные и густые волосы выказывали блѣдность его лица продолговатаго и оживленнаго. Матильда мнѣ часто говорила, что онъ могъ назваться даже красавцемъ, если бы не имѣлъ въ глазахъ какого-то особеннаго выра-

женія, такъ что они казались какъ будто кроваваго цвѣта. Чужестранецъ просилъ не прерывать для него домашняго концерта; даже, казалось, находилъ въ ономъ удовольствіе, и съ живоспїю вставъ, открылъ свой чемоданъ и подарилъ Матильдѣ шепрадь съ новѣйшими музыкальными произведеніями, которую купилъ въ Спирасбургѣ. На другой день поутру весьма рано путешественникъ ушелъ.

»Вечеромъ того же дня вздумалось Матильдѣ посмопрѣть, какія музыкальныя штуки заключала въ себѣ шепрадь чужестранца. Это была необыкновенная смѣсь; тамъ находилось болеро, барсароль, конпрдансы, Англійскія пѣсни, Шотландскія аріи, Нѣмецкія ронды и наконецъ Соната. Матильда съ радостію замѣтила, что всѣ ноты были писапы для арфы и флей-

пы. Перелисновавъ шепрадь, она остановила свое вниманіе на Сонаптъ и хотѣла оную попробовать.

» Съ самыхъ первыхъ аккордовъ она была изумлена пышностію и спрашностію сей композиціи. Карлъ и его родственники раздѣляли ея удивленіе. Скоро мелодія ужасная, фантастическая, идеальная, спрашная, смѣшалась ея до такой степени, что она поблѣднѣла, пролиwała слезы и видѣла себя принужденною остановившея на мпуну. Карлова флейша издавала звуки неопредѣленные и печальные, и спарки слушали въ молчаніи съ изумленіемъ сію ужасную, удивительную музыку. Матильда продолжала; и тогда раздались звуки плачевные и продолжительные, похожіе на пѣть, которые издають Эоловы арфы, пославленыя на вершинѣ высочайшихъ горъ.

Вскорости аккорды сдѣлались быспрѣе, какъ будто дрожали; можно было различить смѣхъ, крики, погребальную пѣснь, и потомъ шумную и грубую выходку, потомъ молчаніе и меланхолическое эхо. Мапильда, упомянутая до чрезвычайности, едва могла окончить Сонату. Карль пререпеталъ подѣ вліяніемъ неестественнаго страха; спарики, расходясь, благословили дѣтей своихъ, и прощанія были хладны и молчаливы.

»Со всѣмъ тѣмъ Мапильда каждый вечеръ повторяла свою Сонату; самъ Карль, казалось, любилъ раздирающія душу чувства, которыя невольно пѣснились въ груди его; одни родители осуждали только таковое предпочпене, но они уступали желанію дѣтей своихъ. Такимъ образомъ всякій день, въ одномъ изъ домиковъ долины, раз-

давались звуки Сонапы. Но каждый день болѣе и болѣе непоспимая, не-описанная груспь разпростирала надъ обѣими семейспвами покровъ печаль-нѣйшихъ предчувствованій.

»Наспустилъ Розенфельдской праздникъ: это было Рождество Христово. Карлъ и Матильда должныспвовали быть обвѣнчаны въ началѣ новаго года. Они прибыли въ Розенфельдъ. Ихъ родспвенники зашли къ нимъ. Это былъ вечеръ удовольспвія: оспоривали награду за вальсъ. Опличнѣй баранъ всегда дается въ *награду* поѣ паръ, которая, начавъ спанцоваться при зажженіи небольшой свѣчки, вальсировать не перестаетъ и тогда, когда она угаснетъ. Надобно быть очень силь-нымъ и легкимъ, чпобъ получить сію награду. Карлъ и Матильда оста-лись побѣдителями. Матильда показала

намъ смѣючись на барана, украшеннаго лентами, и всѣ мы, шупя и играя, побѣжали на большой дворъ, не обращая вниманія на суровый зимній холодъ.

» Мѣсяць спустя, Магпильда впала въ сильную болѣзнь, и лекаръ Розенфельдской объявилъ, что нѣтъ болѣе надежды: праздничный вальсъ убилъ молодую дѣвушку. Мы провожали ее на кладбище, всѣ одѣтые въ бѣлое платье, и въ эпой аллен высокихъ липствяницъ пѣли Псалмы. О! Боже мой! я видѣла ее, сударь, на смертной постелѣ, съ открытымъ лицомъ, и на головѣ ея было свадебное покрывало и вѣнокъ смерти! Несчастный Карлъ слѣдовалъ за нами издали; онъ кусалъ себѣ руки, и когда мы удалились, онъ пошелъ плакать надъ могилою. Не прошло пятнадцати дней, какъ уже Карлъ впалъ въ шягоспную

болѣзнь; онъ требовалъ Матильду и мгновенно былъ пораженъ сильною горячкою.

» Посреди испытываемыхъ имъ мученій, когда отецъ Матильды и его отецъ были въ слезахъ около его постели, и пробило восемь часовъ вечера, Карлъ вспалъ, взялъ свою флейшу, сдѣлалъ пальцомъ знакъ, чѣмъ всѣ замолчали, попомъ сѣлъ подлѣ Матильдиной арфы, и тамъ, сдѣлавъ небольшую прелюдію, клалъ на флейшу свои блѣдныя и увядшія губы; онъ начиналъ извлекать изъ оной ужасные звуки Сонаты. Никогда онъ не могъ окончить оную совершенно: останавливался какъ будто кого-то упрашивая, вскричалъ: » еще Матильда, еще, прошу тебя! « Онъ дѣлалъ попомъ печальный знакъ прощанія и падалъ безъ чувствъ.

» Въ продолженіи одиннадцати дней, Карль вспаваль подобнымъ образомъ; онъ показываль, чшо видипть пѣнь Машильды прокрадывающуюся потихоньку въ комнату и сядящую за свою арфу. На двѣнадцатый день часы остановились; Карль съ безпокойствомъ разсматриваль часовую стрѣлку, бывшую неподвижной. Была полночь, и любезное привидѣніе не появлялось; вдругъ Карль вскочилъ съ своей постели и закричалъ: »подожди, Машильда, подожди моя милая подружка! еще Сонату, одинъ разъ только!« Онъ попросилъ своего отца, чшобъ освѣпить комнату съ большимъ великолѣпиемъ, самъ нарядился какъ дитя и взялъ свою флейпу. Никогда еще Карль не извлекалъ изъ оной столь прекрасно - прогашельныхъ звуковъ. Онъ сыгралъ всю Сонату до конца,

и тогда особенно спраннымъ голосомъ вскричалъ: » теперь я пивой, Матильда! «

» Два дни спустя, новая процессія слѣдовала вдоль аллеи липвяницы; но на сей разъ это были молодые мальчики, пѣвшіе Псалмы и несшіе пѣло.

» Съ сего времени долина совершенно осипавлена. «

» Шесть мѣсяцовъ тому назадъ, увидѣли на большой улицѣ Розенфельдской иностранца, подарившаго Матильдѣ Сонату. Всѣ двери заперлись при его приближеніи. Онъ сидѣлъ верхомъ на черной лошади, закупанный въ красную мантію. Дѣти увѣряли, что видѣли его въѣхавшимъ на вершину горы, у подножія коей находится *Тейфельсвальдъ* (Чорповъ лѣсъ). «

КОНЕЦЪ ПЕРВЫМЪ ПОВѢСТЯМЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

Последній Браккіано.	7
Розовая шляпка.	36
Мажордомъ.	50
Сонапа.	117